

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин

1

Предлагается описание ряда деяний и любопытных казусов из жизни одного забытого ныне государственного мужа второй половины XX века. Начинал он свое восхождение в нашем городе, поэтому автор имел возможность собрать и записать те истории, которые во множестве ходили среди обывателей. Зачем это автору понадобилось? Трудно сказать. Может быть, потому, что записи такие не поощрялись. Не принято было записывать, вот он и записывал. Передавать эти истории огласке запрещалось, их постоянно энергично опровергали, и посему они прочно сохранялись в памяти горожан. Изустная, так сказать, история. Без документов и фотографий. Порой некото-рые происшествия смахивают на анекдоты. Однако они происходили. Автор ни в коем случае не хотел бы обличать свой город или свою эпоху. Наоборот, будучи патриотом и того и другого, автор изо всех сил пытается понять, действительно ли мы заслужили Романа Авдеевича. Утверждение, что каждый народ заслуживает того правителя, которого имеет, давно вызывает некоторые сомнения.

Роль выдающейся личности, как известно, велика. Был ли герой этих записей выдающейся личностью? Наверное, поскольку роль его в истории нашего города велика. В то же время автору кажется, что не обязательно быть выдающейся личностью, чтобы играть в истории большую роль.

В прежние времена отцы нашего города не могли играть большой роли потому, что у них не было особо большой власти. Но в последней половине нашего века власть так увеличилась, что наш Роман Авдеевич обладал властью ничуть не меньше какого-нибудь монарха. То есть не какого-нибудь, а настоящего самодержца. С той разницей, что монарх передает свою власть детям и, следовательно, заботится о том, чтобы не развалить свою страну и не довести подданных до бунта.

Про королей, царей, императоров собирали анекдоты, изречения, затем печатали их. Про наших правителей – не собирают и не издают ни в коем случае. Между тем, особенно в глубинке, можно услышать такие истории, такие чудеса там творят местные начальники, какие ни одному самодержцу и не снились. Собирают ли эти истории, не гибнут ли они бесследно в про-винциальной робости наших железобетонных захолустий? Если у нас что и известно, если про что судачат, то только про Москву. Хотя из-за кремлев-ских стен многое не увидишь. В нашем же городе укрыться труднее, свои стены, конечно, имеются, но пониже и поуже.

По мере того, как записи пополнялись, оказывалось, что Роман Авдеевич, хотя фигура и достоверная, зафиксированная во всех документах, но в то же время как бы и химера, ибо никаких государственных следов его пребывания не осталось. Все стерто, замазано, зашпаклевано так, словно его никогда и не было. Числится – однако, лица не имеет, не упоминается, не состоит. С другой стороны, ничего исключительного тут нет: у нас любого правителя стоит снять, и сразу выясняется, что заслуги его преувеличены, властью он злоупотреблял, подданных, а также природу довел до бедственного состояния. Имя его вычеркивают из словарей, энциклопедий, мемориальные доски снимают, и вскоре считается, что такого деятеля не было, никаких следов его существования найти нельзя.

Одно время автор хотел создать галерею правителей нашего города. Идея эта воодушевила краеведов. После долгих хлопот им отдали бывший музей отца народов, который так и не успели открыть. Были собраны художественные портреты, бюсты, фотографии, а также некоторые личные вещи персеков, их шляпы, грамоты, газетные вырезки. Однако в последний момент власти спохватились, увидев в этой галерее сатирический умысел. Оказалось, что все персеки были замешаны, уличены, причастны... Вывеску "Галерея персеков" так и не успели повесить. "Персек" – так называют у нас сокращенно первых секретарей, ибо они-то и являлись нашими правителями. Первым "персеком" окрестили у нас одного пышущего здоровьем и любовью к себе, достойнейшего. Щеки его были покрыты нежным пушком и смуглым румянцем, так что сравнение с персиком напрашивалось само собой. Следующий за ним нежного румянца не имел, но был достаточно упитан и сочен, название "персик" подошло и к нему. Слово "персек" произносится как-то посередине между "персеком", то есть первым секретарем, и "персиком", то есть фруктом. Термин укрепился и вошел в словарь народных говоров нашего региона.

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Галерея персеков, по мысли автора, должна была служить наглядным пособием для изучения истории города. Был персек, который приказал снести ограды, заборы, для "развития духа коллективизма". Прежде всего, снесли художественные, фигурные решетки, те, которые были занесены в альбомы. Это он успел. Обыкновенные кирпичные и дощатые заборы остались. Следующий выстроил новые будки для регулировщиков в виде эмалированных подстаканников. Третий персек остался в памяти населения тем, что завивался, делал маникюр и клал румяна. Портреты его выставлялись в витринах, украшенные хвойными ветками... Автор ни в коей мере не собирается соперничать с бесподобной щедринской "Историей города Глухова". Наш город носит совсем другое название и, хотя расположен неподалеку от Глухова, однако, находится полностью в иной эпохе. Кроме того, автор поставил себе куда более скромную задачу, – рассказать всего лишь об одной персоне, о "дорогом Романа Авдеевиче", как величали его много лет все выступающие.

2

Появился Роман Авдеевич на своем посту внезапно. Собственно, все они появлялись непредвиденно, спускались вдруг сверху, как парашютисты. Как всякий новый начальник, он повел себя грозно, возмущался прежними порядками. Неважно, что до своего появления он, оказывается, пребывал в аппарате предыдущего персека. Пребывал в неизвестности. Неизвестность имела свои преимущества. Роман Авдеевич терпеливо ждал своего часа. Но делал вид, что ничего не ждет. Не следовало засветиться раньше времени. А так как он не числился претендентом, то на него не обращали внимания. Борьба шла между вторым и третьим лицами. Они держали друг друга мер-твоей хваткой. Честили, поносили, уличали, общипывали друг друга до наготы. Тут и возник Роман Авдеевич. Он стоял в сторонке, руки по швам, ожидая команды, свободный от групповщины, невыполненных обещаний, и взгляд Центра успокоенно остановился на его свежем лице.

Впоследствии выяснилось – произошло все это не так уж случайно. Роман Авдеевич давно был помечен крестиком. За что? За аккуратность. Очень хоро-шо он составлял списки или регламент для ведения собрания.

Еще в школе он знал, что далеко пойдет, недаром он уверял своих одно-классников, что пароходы и колхозы будут носить его имя. Такую он поставил себе задачу и не разбрасывался. Он не был мечтателем. Ум его отличался практичностью, он не засорял свою голову беллетристикой, стихами или математикой, химией. Он знал цитаты, даты, штаты, а также имена-отчества. Память на сей счет имел превосходную. Никого и ничего не забывал. Профессионально важнейшее качество крупного руководителя. Доперсековский период его жизни несколько противоречив и невнятен. Иногда Роман Авдеевич приводил примеры из своей жизни станочника, иногда – из трудовых будней на колхозной ферме.

Став персеком, он округлился, разгладился, уплотнился, то есть приобрел большой удельный вес и законченность. Круглое лицо его, снабженное острыми ушками, имело нечто кошачье и в то же время обрело своеобразие новой должности румяно-загорелое персиковое обличье. Своеобразие Роману Авдеевичу придавали два признака – правильные черты его облика никогда не менялись, они отличались законченной неподвижностью, ругался ли он, грозил, хвалил – все в нем сохраняло то же выражение железной непреклонности, отлитое раз и навсегда. Вторым отличием его был малый рост. Не так чтобы уж очень, но некоторое несоответствие возникало. Об этом Роман Авдеевич знал и втайне досадовал. Он носил туфли на высоком каблуке, держался прямо, даже несколько вытягиваясь. Впрочем, известно, что многие великие люди отличались небольшим ростом, – например, Наполеон, Нерон, Гитлер, Чаушеску, а также Сталин, которому на трибуне Мавзолея ставили скамеечку, чтобы он смотрелся вровень со своими соратниками. Кроме того, – Пушкин, Павлов, Лев Толстой и Эмиль Золя. Рост, то есть высота великих людей, чрезвычайно интересовала Романа Авдеевича. Набиралось довольно много великих людей, которые имели росточек ниже среднего. Тем не менее Роман Авдеевич испытывал из-за этого некоторый дискомфорт.

3

Внутренняя жизнь города с появлением Романа Авдеевича сильно оживилась. Вновь,
Страница 2

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru как в былые времена, население призвали к борьбе. Врагов народа уже не стало, космополитов и абстракционистов извели в предыдущих кампаниях, диссидентов же для массовой борьбы явно не хватало, диссиденты размножались главным образом в Москве и других столицах. Борьба с инакомыслием кое-какая велась, но не ожесточенно, местные инакомыслящие быстро отказывались и переставали мыслить. Надо было найти что-то свое, местное, необыкновенное. Необыкновенное – это значит новое, а новое – это значит хорошо забытое старое. Пытливый ум Романа Авдеевича отыскал среди старых заброшенных кампаний одну незавершенную и политически не использованную. То была кампания против собак в городе. Казалось бы, при чем тут "персек", достойно ли ему заниматься подобными мелочами? И кампанией это не назовешь, скорее – мероприятие районного уровня. Но это мы с вами так рассуждаем, на уровне обыденного сознания. А у Романа Авдеевича сознание было не обыденное. У него была психология истинного борца. От одной борьбы он шел к другой. "И вся-то наша жизнь есть борьба!" – строку эту он пел с особым чувством. "Массы должны иметь конкретных противников, с которыми можно бороться, – учил он, – еще лучше иметь врагов. Надо таких врагов находить. Готовить их надо и поставлять. Хороший враг тот, кого можно побороть, это дает народу чувство удовлетворения".

Всеобщая борьба шла в это время за продовольственную программу. Как победить в такой борьбе, никто не знал. Картошка, к примеру, сгнила, – где тут враг? Роман Авдеевич нашел другой подход. Он взял ведущий дефицит продовольствия – мясомолочный продукт. Допустим, не хватает мяса. А по-чему? Кто, кроме трудящихся, потребляет мясо? Присмотритесь. Мясом кормят, оказывается, собак, ну еще кошек. Улавливаете? Не бродячие, не бездомные, а именно домашние собаки пожирают мясопродукт. Трудовой человек стоит в очереди за мясом, ему не хватает мяса. Почему? Потому что мясо уходит на собак. Предложили подсчитать количество собак в каждом районе. Считали, не стеснялись. Затем умножили на дневной рацион, на кол-басу, баранину и прочее, умножили на количество районов, – и перед потрясенным обывателем предстал главный виновник нехватки мяса. Спрашивается – что надо делать? Поднять гнев людей на тех, кто позволяет себе держать собак и кошек в такой период народной жизни, гнев на этих собачников, на хозяев этих овчарок, мурок, такс, бульдогов... Благодаря Роману Авдеевичу был открыт огромный источник мяса. "Уничтожив собак, мы решим один из основных пунктов продовольственной программы!" Роман Авдеевич учил нас, что мелких вопросов в политике нет, важно найти новый подход, повернуть проблему, открыть в ней политический смысл. "Гений – это ведь всего лишь человек, который умеет видеть мир несколько иначе чем все остальные люди", – писал о нем журналист Ставридов.

Борьба с собаками развернулась по всем направлениям. Запретили выгул их, уничтожили собачьи площадки, ввели налоги, увеличили штрафы, организовали прессу, радио, появились активисты кампании, ибо у каждой кампании есть свои энтузиасты и передовики. Расширили движение за счет кошек. Роман Авдеевич не любил и кошек, он не любил никаких бесполезных, ничего не производящих животных, он признавал только те существа, которые годи-лись в пищу рабочему классу. Нельзя сказать, чтобы собако-кошко-владельцы сдались, они тоже боролись, писали, обращались куда только могли: в редакцию, в профсоюзы, министерства, разные отделы ЦК, Совмина, Верховного Совета, творческие союзы... Соппротивление в такой борьбе воодушевляет. Жалобщики вынудили Романа Авдеевича сделать следующий шаг – были опрысканы химическими составами собачьи площадки города. Собаки стали слепнуть, их приходилось усыплять. Знаменитая эта кампания была, как видите, не мелким ведомственным делом, Роман Авдеевич поднял ее на высоту, на уровень решения экономической проблемы. Жаль, что остальные регионы страны не подхватили его начинания.

Собак в городе не стало видно, мяса тоже. Оно все реже появлялось в магазинах. Но к этому времени Роман Авдеевич уже развернул другую борьбу.

4

Кроме кошек и собак, Роман Авдеевич не любил творческую интеллигенцию. Откровенно говоря, он всякую интеллигенцию не любил, но творческую особенно. Вначале он не любил ее инстинктивно, не зная про нее ничего. Поют, играют, картинки рисуют – что это за работа, это же не продукция, в план-отчет не входит. Познакомился он с творческой лабораторией на памятнике Отечественной войне. Надо было рассмотреть проекты памятника. Специалисты год рассматривали их

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru и отбирали. Но одно дело искусствоведы, художники, архитекторы, другое – первый секретарь. Спрос с него. Он отвечает, ему доверено, а почему – потому что он лучше понимает, что нужно городу и народу. Следовательно, он лучше знает, что хорошо и что красиво. Вот скульптор поместил в центре композиции золотого мальчика. Партизаны, солдаты, все они смотрят на маленького золотого мальчика. Однако на вопрос, что эта фигура означает, скульптор точного ответа не дал: думается, что, скорее всего, мальчик выражает Надежду, Победу, Веру, Будущее... Много красивых слов и никакой окончательной формулировки. Неясно. Роман Авдеевич смотрел на скульптора задумчиво, понимал, что такой вопрос могут задать ему самому. И что он ответит? И вообще, что это за памятник, если он вызывает вопросы?

Всем известно, что Победа должна изображаться в виде женщины. При чем тут мальчик? Победа» – она женского рода. Победа должна быть солидной, роскошной женщиной с мечом или венком или еще с каким-то символом. Удалить придется мальчика. Заменить! В прежнее время Роман Авдеевич велел бы поставить на этом месте, в центре, если не женщину, то генсека, разумеется, нынешнего, поскольку он участвовал, но увы... Подумав, Роман Авдеевич предложил заменить мальчика фигурой матроса, флот тоже участвовал, а представителя флота не видно, и остальных надо проверить, чтобы все виды оружия были налицо...

Скульптор что-то возражал, но недолго.

Указания Романа Авдеевича были выполнены, и получилось неплохо, во всяком случае у членов ПЭБЭ, которые приезжали, памятник не вызвал вопро-сов, выглядел он богато. Красный гранит блестел, свежие венки всегда лежали, памятник был представлен на премию. Показывая его, Роман Авдеевич чувствовал себя участником творческого коллектива, и его доля труда была воплощена в бронзу. С тех пор он смело поправлял и по линии кино, живописи и других искусств.

Будучи в мастерской скульптора, Роман Авдеевич обратил внимание, что работает скульптор один, в отдельном помещении. Обстоятельство это удивило нашего Первого. Расспросив, он узнал, что и другие скульпторы работают в одиночку, кто где. И художники таким же образом заточены, каждый в своей мастерской, писатели и композиторы соответственно работают на дому. Когда хотят, тогда и начинают работу, когда хотят, заканчивают. Ни учета, ни отчета. Никто их не проверяет. Могут шататься в рабочее время по улицам, могут неделями ничего не делать. Пробовали ему острожно напомнить насчет вдохновения, особенностей творчества, он слушал холодно, потом спросил:

– А почему это вы за них хлопчете?

Примолкли. Тогда он сказал:

– Думаете, я не знаю про труд художника? Все известно. Советский художник не кустарь-одиночка. Архитекторы – кто, по-вашему? Тоже художники. А являются на работу вовремя, уходят со звоном, работают в коллективе у всех па виду. И обеспечивают нужды города.

В заключение предложил подработать положение о переводе всех отрядов творческой интеллигенции на коллективную работу. Создать студии, совместные мастерские, распределить по жанрам, по темам – маринисты, лирики и тому подобное. Чтобы все являлись вовремя и усаживались за свои партитуры и рукописи на весь рабочий день. Обеспечить пишущими машинками, мольбертами, душем, шкафчиками.

Идею высоко оценили наверху, но исполнение посоветовали делать постепенно, поэтапно, чтобы не будоражить мировое общественное мнение, поскольку вступили в период, когда приходится с ним считаться.

Что это такое, "общественное мнение", и почему надо "с ним считаться", этого Роман Авдеевич никогда не понимал. Он ездил в Европу с делегациями и мог сравнить. Нетвердая там была власть. Все время менялась. С какой стати они оглядывались на газеты, на избирателей, на телевидение? Общественное мнение он лично мог бы за неделю привести в порядок, к общему, как говорится, знаменателю. Реальностью для Романа Авдеевича было мнение начальства, прежде всего генсека, а значит, его помощников, его консультантов. Далее – заведующих отделами, всех, кто докладывал Главному, общался с ним. Вот чьи мнения решали, их мнения следовало знать, их мнения были дороги. Что касается городского населения, то

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru какое значение и мели их мнения, на кого они выходили? Те мнения, о которых ему докладывали, были, как правило, благоприятные. Находились, конечно, критиканы, с ними проводили работу. Предупреждали. По-хорошему. Роман Авдеевич предпочитал не вступать в контакты с такими людьми. Например, художник Попонов, опять же из кругов творческой интеллигенции, выступил у себя в Союзе художников весьма нелестно по поводу идеи "Всеобщей коллективизации" художников. Так он извратил мысль Романа Авдеевича об интенсификации творческой работы.

Без ответа такого рода выпады оставлять нельзя. Власть должна в этих случаях давать предметный урок. Спустя некоторое время на каком-то активе, отвечая на вопросы, не то чтобы в основном докладе, а как бы случайно, когда пришла записка о спекулятивных ценах и заработках, Роман Авдеевич привел пример спекуляции – покупает человек холста на трешку, красок на десятку, а картину продает за тысячу. Два дня ее мазал, и вся работа. Это как расценивать? Можно ли назвать такое искусство народным?

Зал возмущенно загудел. Закричали: "Фамилию! Кто такой?" Роману Авдеевичу пришлось назвать Попонова.

Попонов стал добиваться приема, хотел объясниться, но не добился. Творческую интеллигенцию Роман Авдеевич велел не принимать. Затем и остальную интеллигенцию.

Полностью избавиться от просителей он не мог, персеку полагалось принимать граждан. Они, эти граждане, с их бессчетными, ничтожными проблемами – прописки, жилья, ремонта, с их жалобами на других начальников, каким-то образом проникали сквозь любые щели, несмотря на бюро пропусков, охрану одну, вторую, лезли, как мошкара, совали в руки свои заявления, письма, плакали, кричали, грозили...

5

Однажды утром, одеваясь, Роман Авдеевич обнаружил, что брюки его пошли морщинами. Сперва он подумал, что похудел, попробовал подтянуть их, однако они не подтягивались. Вышло, что штанины стали длиннее. Взял передел другой костюм. И там было то же самое, там тоже брюки складками нависли, вроде как спадают. И третий костюм так же. Призадумался Роман Авдеевич. Застыл. Тяжелое, неприятное раздумье охватило его. Пришлось даже на работу позвонить, предупредить, что задерживается. Долго он сидел, пытаясь вникнуть, что бы это значило. Перемерил еще несколько брюк, у него их было много, на все случаи, и всюду получалось одно и то же. Причем те костюмы, которые были шиты год с лишним назад, у тех брюки еще больше спадали, топорщились мелкими морщинами книзу. Не могли же все брюки враз стать длиннее. Каким образом? И что вообще сие могло означать? Весь день он пребывал в мрачной задумчивости, вечером же, придя домой, заперся в своем кабинете, стал у дверной коробки и, как в детстве, карандашом на уровне макушки провел черточку, незаметную тонкую линию-отметку. Кроме того, заказал себе туфли с каблучком чуть повыше.

6

Вскоре Роману Авдеевичу удалось радикально решить проблему с посетителями. Решил по-своему свежо, смело, так, как никто до него не решал. Автор не собирается приукрашивать деяния своего героя, как это обычно делают биографы, но и не хочет превращать свою летопись в памфлет. В идеале следовало бы придерживаться фактов, то есть излагать те анекдоты и истории, какие ходили по городу. Однако объективности при этом достигнуть невозможно, приходится всегда делать отбор, слишком их было много, слухов, среди них самые фантастичные.

Вроде бы невероятно, вздор, факты не сходятся, а верили. Повторяли охотно, передавали дальше. Что-то, значит, соответствовало, потому что устная молва вещь капризная, она не все слухи берет, у нее идет отбор, только чем она руководствуется, мы плохо знаем. Например, с появлением Романа Авдеевича воцарилось опасение, что к каждому телефону подслушку поставили. Что за подслушка, как она выглядит, никто не знал, но все знали, что их подслушивают. Телефон накрывали подушкой, уходили в ванную шептаться. У кого телефона не было,

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru те все равно шептались, грешили на радио, на электросчетчик, на верхних соседей.

Автор на своем примере убеждается, что история не может быть объективной. И никогда не была объективной. Тем более наша история последнего полувека. Там не то чтобы объективной, так и субъективной не сыщешь, так, чтобы историк взял и высказал то, что он на самом деле думает. "Только не поймите меня правильно", – вот что историка беспокоит.

Теперь – то, конечно, легко выставить всех персеков виноватыми, да кто знал, как все кончится? Обыватель наш – а между прочим, и автор тоже был рядовым обывателем, – не зря отдавал должное Роману Авдеевичу, не то чтобы гордился им, но и не стыдился перед другими городами, и отмечал даже некоторое умственное превосходство нашего персека.

Некоторые утверждают, что Роману Авдеевичу подсказал один ученый решение проблемы посетителей, – может, профессор, – но ряд данных говорит за то, что Роман Авдеевич мог и самостоятельно разработать эту конструкцию, ибо имел диплом инженера. Автор тут полностью на стороне героя. Нужда – великая придумщица. Роман Авдеевич искал выход из положения и нашел. Очень уж у него сложилась критическая ситуация. Это потом выяснилось. Точная дата его открытия неизвестна. В городе узнали о нем после скандала, который разразился в приемной Романа Авдеевича. В один прекрасный день к зданию обкома явилась делегация одного завода и потребовала, чтобы их принял Первый. Это так говорится, что одного завода, завод был исторический, известный на всю страну. Делегация настроена была в соответствии с революционными традициями и ни к кому другому, кроме персека, идти не желала.

Им говорят: "Он на совещании". Делегаты, видать, к этому были готовы, знали, что первая отговорка у всех начальников – совещание. Ничего нового придумать не могут. На это делегаты заявляют, что подождут и будут ждать хоть до утра.

Дело у них было вот какое: заводские садовые участки собирались у них отобрать. Территория понадобилась для какого-то объекта. Сколько ни хлопотали, куда ни обращались, ничего не добились. Все указывали пальцем на потолок, оттуда, мол, идет, сверху. На самом деле, как потом выяснилось, Роман Авдеевич инициатором хотя и не был, но не препятствовал такому решению, поддерживал. Не имел он расположения к садовым участкам. Считал, что участки эти отвлекают людей от основной работы, рождают частнособственнические инстинкты. А как инстинкт рождается, так человек звереет. Копаются в земле все свободное время, мысль его работает на урожай, на яго-ды, на морковку и соответственно теряет интерес к политической жизни... Было еще обстоятельство, о котором Роман Авдеевич не говорил. Директора заводов жаловались ему, да и он сам замечал, что, построив домик, разведя огороды, человек меняется, возражать начинал, спорить, некоторая независимость у него появлялась, страх убывал...

Делегация стояла на своем, в переговоры не вступала, мудро рассудив, что никогда не следует вникать в обстоятельства начальства. Далее вестибуля их не пустили. Офицеры в зеленых погонах стояли в дверях, как на государ-ственной границе. Когда им пропуск предъявляли, рассматривали его недо-волью, будь их воля, они бы вообще никого не пускали.

Делегаты расположились в вестибюле основательно. Сперва думали, что персек не знает. Незадолго до этого он приезжал на завод, выступал про его величество рабочий класс, требовал заботиться о его нуждах, проявлять внимание к каждому человеку. Так что должен был принять. По-видимому, не допускали к нему аппаратчики, боялись, что он узнает правду и нагорит им. Так они думали первый час. На второй час стали думать, что расчет, может, как раз идет на то, чтобы думали, что он ничего не знает. Чем дольше начальство ждешь, тем умнее становишься. В конце третьего часа захотели перекусить, не тут-то было – в столовую не пускают. Туда тоже пропуска нужны. Дед, был такой в составе делегации, – говорит: "Вот и хорошо, заодно голодовку объявляем". Плакат написали, выставили. Тут все волшебным образом изменилось, пришло в движение. Помощник охнул, побежал докладывать шефу, и вскоре делегацию пригласили наверх. Все же рабочему человеку у нас идут навстречу. Завели делегацию в небольшой зал, усадили в мягкие кресла. Вспыхнули лампы. Телевизор в углу мерцает. Помощник предупреждает: "Сейчас, товарищи, перед вами появится Роман Авдеевич". Слово бы конфе-рансье. Странно прозвучало это "появится", но через минуту действительно Роман Авдеевич появился собственной персоной, только на экране телевизора. В

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru цвете – сам розовый, костюм темно-синий, галстук в желтую полоску. Всё крупным планом, в подробностях. Сидит, бумаги читает. Некоторые подумали, что это телефильм. А на кой им фильм? Помощник приставил палец к губам, предупредил, что Роман Авдеевич сейчас слушать будет: включат микрофон, телевизионную камеру, так что он будет видеть делегатов на своем телевизоре. Делегаты – его, он – делегатов. Культурно и современно.

– Зачем это? – спросил дед Ульян, ничего не поняв. – Где он сам-то?

– У себя в кабинете, – сказал помощник.

– Кабинет-то где его?

– В конце коридора.

– Этого, что ли? Так чего ж он там спрятался?

В это время Роман Авдеевич поднял голову, посмотрел на делегатов и сказал:

– Здравствуйте, товарищи, слушаю вас.

Делегаты переглянулись. Дед Ульян сказал восхищенно:

– Вот это техника! Хорошо устроился.

– Это он чтобы за руки не здороваться. Заразы боится, – предположил кто-то.

– Может, он нас заразить боится, у него забота о рабочем человеке на первом месте.

– Прогресс! Со всеми можно через трубку общаться.

– Что ж он, и с женой через трубку?

– Как чай раньше пили, вприглядку.

– Зато экономия времени большая. Голова на экране доклад произносит, а сам в это время в галюне сидит. Тулова-то не видно.

Зубоскалят хитрованы, словно бы между собой, словно бы передачу обсуждают.

– Вы его сами живым, на ощупь, когда-нибудь видите? – спрашивают у помощника. – Может, его вообще в натуре нет, одно изображение записано.

Помощник, бедняга, сигналил им, что шеф все слышит, угомонитесь. Они как бы не понимают, знай себе травят.

– Или кто играет его? Наняли артиста подходящего.

Обсуждают без стеснения: щеки его налитые, то ли гримом разрисованные, то ли настоящие. Надо ли разговор вести с таким лицом, может, лучше в Москву обратиться. Кто-то даже матюжка пустил, вспоминая, как Роман Авдеевич выставлял себя защитником рабочего человека, в грудь себя бил. Вдруг дед Ульян сказал:

– Чего навалились, наверняка радикулит у него. Может, конечно, и другая причина медицинская имеется, всякое бывает.

Именно от этих слов Роман Авдеевич на экране свекольно налился, что-то выкрикнул, кулаком стукнул, затем щелкнул выключателем, и экран погас. Помощник за голову схватился, мужики заахали: мы, мол, не разобрались, да если б знали, что нас слышат... Дед Ульян оправдывался: "Я по себе рассуждал, меня, бывает, так радикулит схватит, не разогнуться".

Трудно объяснить было, почему именно на его сочувствие вспылит Роман Авдеевич, казалось бы, пожалел его дед... Какая-то была тут несообразность, только позднее разобрались.

Можно считать, что рабочий класс не поддержал нововведения, зато чиновный аппарат по достоинству оценил инициативу Первого. При обычном порядке проситель как войдет в кабинет, как усядется в кресло, так его оттуда клещами не вытащишь. Проситель этот добивался приема, стоял в очереди месяц-полтора, так что, войдя, он, пока не выговорится, не уйдет, у него все заготовлено, он и заспорит, и будет канючить, и в слезы пустится. Никак от него не отделаться. А телевизионная техника – она позволяет: "Извините, ничем больше помочь не могу", тумблером кляцнул, и конец, на экране никого, хочешь-не хочешь – стороны расстались. Аппаратный народ поддержал всей душой новую систему, внедрил ее. Телеприемные оборудовали себе заведующие отделами, добились этого и замы. Им сделали боксы поменьше, с черно-белыми экранами. Пропускная способность увеличилась втрое. Начинание Романа Авдеевича было подхвачено, вошло в жизнь.

Скандал, который произошел с делегацией, в городе обсуждался бурно. Интеллектуалы доказывали, что Роман Авдеевич просчитался, допустил оплошку. Надо было выйти к рабочим, сделать исключение. Пропагандисты не знали, что возразить, у всех появилось недоумение, трудно даже понять, в чем оно состояло. Никто тогда не представлял подспудной причины. Во всем этом деле имелось одно обстоятельство, никому в ту пору не известное, настолько интимное, почти неприличное, что нельзя было, чтобы о нем знали.

Дело в том, что Роман Авдеевич понял, что уменьшается в росте. Тщательно измеряя себя по отметинам на дверном косяке, он обнаружил, что укорачивается. Укорот происходил рывками: то месяц-полтора ничего, то вдруг отметочка снижается, вчера еще было нормально, а сегодня – хлоп и на какой-нибудь зазорчик снизился, съехал вниз. Вроде бы незаметно, но Роман Авдеевич наострился различать каждое сокращение, ничтожный миллиметр. Потеря этого миллиметра приводила его в отчаяние. Никому не заметно, а он-то знал. Отчего происходила эта потеря, непонятно. Измучившись, он решил обратиться к врачу. Но к какому? Не к хирургу же. Не только в специальности было дело, врач требовался такой, чтобы довериться можно было. От своих домашних и то таиться приходилось. Ведь если б узнали, если б просочилось – считай всё. Конец карьеры.

Вот он и не хотел выходить к посетителям, избегал личного общения, когда выходить надо было из-за стола.

Лег Роман Авдеевич на очередное обследование, – это регулярно полагалось особо ценным людям – и, когда дошло до невропатолога, со смешком пожаловался, что видит сон дурацкий про укорот... Врач осмотрел, расспросил, нашел организм вполне здоровым, однако что-то его поразило в нервной системе или в какой-то другой системе, потому что Роман Авдеевич слышал, как врач, не удержавшись, выразился про систему, чем-то она его не устраивала. Однако никаких лекарств не прописал, сказал, что следовало бы "скорреллировать". Для этого требуется наблюдать и наблюдать. На это Роман Авдеевич согласия не дал. Ясно было, что ничего такого явного с ним не происходило, если медицина обнаружить не сумела, то окружающие тем паче, и в то же время нечто скрытое происходило. А наблюдать за собой будет он самолично.

В обращении с подчиненными, аппаратом и всеми другими подразделениями наш дорогой Роман Авдеевич применял собственную методику. Сила начальника в страхе, утверждал он. Отнюдь не в любви, как считают некоторые. Любовью управлять нельзя. Всем люб не будешь. Страх же для всех годится. Страх сильнее любви. Со страхом не заспоришь. Прежде всего Роман Авдеевич по-хозяйски использовал богатейшие запасы страха, что были накоплены в каждом подчиненном еще в грозные культовые времена. Не пропадать же им. Разумными порциями он стал пускать их в дело. Сажать к тому времени было уже не принято. Однако, если намекнуть туманно, то срабатывало. Впрочем, Роману Авдеевичу и не приходилось угрожать. Он внушал свой собственный персональный страх. Более того – трепет. Фронтвики, бывалые люди, приходили в оробелое состояние без видимой причины, слова поперек ему сказать не решались. Спорить с ним никто не спорил. Поначалу было вскидывались и наталкивались на неподвижный взгляд холодных голубых глаз – давай, давай,

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru выкладывай, посмотрим, что ты за штука. Ничего не возражал, слушал, молчал, пока спорщик не записался, постепенно угасая. Замораживал он любого. Никто не мог выдержать его неподвижного взгляда. По выражению Попонова, это был взгляд черепа. Хуже всего было, когда он просто смотрел, без всякого крика, без замечаний. Природа наделила его специальным даром холода и тьмы. Он не скрывал своих убеждений: без страха управлять нашим народом нельзя. Он твердо верил в могущество страха. Сам народ хочет страха – так он считал, и имел теорию о том, как страх цементирует общество, способствует сплочению, порождает, если угодно, энтузиазм. Сознательность в каком-то смысле – дитя страха, человек стремится оправдать свой страх, хочет показать, что он поддерживает идиотскую идею начальника не из-за страха, а потому, что эта идея имеет глубокий смысл. Не беспокойтесь, смысл этот он придумает, найдет. Отсюда система наша получала своих теоретиков, защитников.

Многие начальники страх любят употреблять, да не знают, где его нынче взять, из чего сделать. Роман же Авдеевич разработал самобытную систему. Берет он, например, и без всякой причины человека с должности, допустим, секретаря горсовета, посылает директором совхоза в глубинку. На укрепление. Секретаря райкома на киностудию ставит. За что, почему – без объяснения. Все гадают, что сие значит, чем не угодили, – неизвестно. В этом-то и заключался прием. Если бы из-за служебного промаха, всем ясно, на чем погорел. Кто исправно работает, тому, значит, нечего бояться. Ничего подобного, бояться все обязаны. На любом месте. Неизвестно чего бояться. Чтобы трепетали даже в исправном состоянии. Не от работы чтобы страх шел, а от самого Романа Авдеевича, гнева его, происходящего по таинственной причине, покарать гнев может любого, в любое время. Ну, и награждать тоже надо без явных причин.

Чем больше страха, тем преданности больше. Пусть стараются, но как бы ни старались, все равно надо, чтобы тайна оставалась.

Его, например, в коридоре завидят и скорее сворачивают, стараясь куда-нибудь юркнуть, не попасть на глаза, из которых несло стужей казематов; как говорят: взглянет – лес вянет. Он шествовал по красной ковровой дорожке вдоль строя трехметровых дубовых дверей, как будто принимал парад. Каждый шаг его был значим.

Торжественное заседание предстоит. Сообщают, допустим, известному ученому, что ему в президиуме надо сидеть. Он готовится, как-никак почет и уважение. Приходит. И тут ему администратор объявляет: "Извините, отмена произошла, не будете в президиуме". – "Как так, почему?" В ответ администратор выразительно закатывает глаза к потолку. И человек сник, сражен. С некоторыми сердечные приступы происходили.

Когда Роман Авдеевич устроился поплотнее в кресле, освоился, огляделся, увидел он, что сия высота заурядная. Подобных бугорков на просторах нашего отечества сотни. Персеки на них появляются и исчезают, не оставляя впечатления в памяти высшего начальства. Хочешь пробиться – умеи отличить-ся! Легко сказать, но как именно? Многие поколения чиновников решали этот проклятый вопрос – как им выделиться? Как добиться успеха? Цена может быть любая, важно – как.

Выделиться – значит понравиться. Понравиться – значит заслужить внимание, не подчиненных, разумеется, не горожан, от которых ничего не зависит, а начальства, лучше всего наивысшего, чем-то им запомниться. Что касается нижестоящей публики, населения, то им надо обещать, обещать и обещать: назначать сроки, приводить цифры планов, ассигнований, вы-ставляя нарисованные проекты, показывать, как растут уловы рыбы, изго-товление холодильников, выпуск сыров. Начальство этим не привлечь, к начальству нужен ход необычный, потому что всё хожено-перехожено, перепробовано, какие только ключи и отмычки не подбирали, тысячный, можно сказать, конкурс идет из века в век. Толкаются, карабкаются со всех сторон, всё в дело пускают. Роман же Авдеевич не спешил. Не дергался по-пусту. Смотрел. Ждал. И вот однажды обратил он внимание на некую самую что ни на есть обыденную процедуру. Примелькавшуюся, формальную, кото-рую никто не замечал, вроде наглядной агитации. Висит и висит. Так и тут – издавна повелось, что каждый праздник посылают открытки. Поздравитель-ные. Стандартные. Ну, членам правительства улучшенного качества. И вся недолга. Роман Авдеевич задумался – почему, собственно, такое безразли-чие? Неужели они не заслужили особого внимания? Наш персек набрался духу и круто изменил порядок. Каждому члену ПЭБЭ он приказал готовить индивидуальную открытку. Допустим, новогоднюю. Уже в ноябре

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru затребовал эскизы. Задачу поставил нешуточную. Создать рисунок такой, чтобы: 1) соответствовал деятельности; 2) учитывал проблемы, поставленные на сегодняшний период, соблюдая при этом меру (не рисовать же химические удобрения или подшипники!). Требовалась художественная фантазия, выдумка. Чтобы легким намеком повеяло, "как запахом хвои", – его слова! – и в то же время чтобы красиво. При этом текст тоже индивидуальный. Без казенщины, без вольностей, соблюдая почтение. Вариант за вариантом отвергал, добываясь наивысшего качества. Наконец дал добро. Печатают. В одном экземпляре! Кроме общих праздников, еще стали создавать ко дню рождения. Ответственная работа была, печать проверялась тщательно, чтобы ни малейшего брачка. Лучших печатников ставили. Замысел Романа Авдеевича состоял в том, чтобы открытка эта была не просто почтовым отправлением, а произведением. Если к ней приложить внимание, все чувства свои, то заметят. Обязательно обратят внимание. Через такую мелочь легче оценить. Потому что сравнить можно, выявить из потока прочих поздравлений. Конечно, сил и времени эта работа отнимала много. Надпись – кому золотом, кому серебром, кому выпуклую, кому вязью, под старину... Сколько тонкостей было! Не хватало, например, прилагательных. Членов-то одиннадцать, плюс кандидаты. Кандидатам следовало чуть поменьше размером, а уж Генеральному – и обрез золотой, и конверт особенный. Роман Авдеевич психологию своего Олимпа изучал досконально, личное внимание значило больше, чем освоение какой-нибудь новой технологии или досрочный пуск. Новая технология может подождать, а "день ваших именин" ждать не будет. Уже тогда его прозвали "анализатором". От слова "лизать", то самое, анальное...

Ни от кого члены ПЭБЭ не получали таких роскошных открыток, как от нашего Романа Авдеевича. Кто-нибудь скажет – мелочь, и ошибется, потому что мелочей в деле внимания к человеку не бывает. Это были достижения искусства, ими можно было хвалиться, и спустя годы, уйдя в отставку, члены ПЭБЭ показывали их, как свидетельство народной любви.

Любой знак внимания, если в него вкладывать душу, дает результат. И результаты стали появляться.

9

Отметка на дверном косяке снизилась на три миллиметра. Разом. Величина для Романа Авдеевича была ощутимо болезненной. И произошло это вскоре после того, как ему передали от Самого благодарность за превосходную от-крытку. Роман Авдеевич смотрел на новую нижнюю черточку на белой краске косяка, и ликующее его настроение испортилось. Одна за другой черточки, еле заметные, спадали. Когда-то, в детстве, они лесенкой поднимались. Мать отмечала на таком же, только некрашеном косяке, и они бодро скакали вверх. Не так резво, как он хотел, но вверх. Теперь же, когда он стал ступенька за ступенькой подниматься, метки двинулись вниз, чуточку, но неукоснительно вниз и вниз. От чего-то это зависело. "Корреляция", как сказал врач. В словаре иностранных слов "корреляция" означала "связь между явлениями", то есть одно явление вызывает другое. Странная, неприятная догадка мелькнула у Романа Авдеевича, настолько она показалась дикой, что он отогнал ее. Тем не менее, она упорно возвращалась, она не могла не вернуться, ничего другого не было, чем-то надо было заполнить недоумение.

10

Среди своих предшественников Роман Авдеевич особо интересовался судьбой одного персека, которого он для себя назвал Персек первый, или Персек Красивый. Первый, потому что из всех наших персеков он единственный, кто сумел проделать весь путь, предстоящий Роману Авдеевичу. Вскра-рабкивался, долез, используя каждую трещинку, и забрался в салон-вагон. Красивый, потому что был и впрямь красавец. Рослый, лицо мужественное, волосы волнистые, чуть тронутые сединой, весьма представительный мужчи-на – этаким русский богатырь. Роман Авдеевич подозревал, что внешность более всего помогала ему. И голос, раскатистый, душевный. Роману Авдеевичу показывали кинохронику – Красавец на трибуне – в каракулевой шапке, сам что-то кричит демонстрантам в микрофон. Тогда еще артистов на это дело не использовали.

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Аппаратная история существует без письменных источников. Она передается от поколения к поколению, изустно живет, пробиваясь сквозь протоколы и отчеты, живет, как мох на скалах, невидная история, но ах, какая поучительная. Начал Красавец с того, что разоблачил предыдущего персека. Тот решил построить ресторан на телевизионной башне. И чтобы ресторан вращался. Где-то он в таком пировал. Построили. Строили долго. Когда закончили, тут-то наш Красавец пригласил на башню комиссию, комиссия стала смотреть и установила, что из башни видны военные объекты. Ресторан запретили. Предыдущего прогнали. Поставили Красавца, тот выяснил к тому же, что все средства на строительство больниц вбуханы в эту башню и ресторан, тем самым все медицинские проблемы нашего города были отложены на несколько лет.

Все у Красавца ладилось, все у него выглядело надежно, образцово, как бы специально выделанное под руководителя. Такого хотелось иметь во главе, и обязательно изображать в полный рост. Со временем, видно, и он сам стал любоваться собой, прямо-таки не сводил глаз с себя.

Возможно, черточку эту опасную Роман Авдеевич различил, поскольку знал дальнейшую его судьбу.

В один прекрасный день Красавца взяли в столицу, в салон-вагон, где он быстро обустроился, характер у него был компанейский, любил выпить, спеть, ходок был по женской части, это не запрещалось. Коллеги его большей частью в этом разделе работы не отличались, однако любопытство проявляли. Постепенно укрепилась за ним репутация "рубахи-парня", "своегого мужика", и так, шажочек за шажочком, приближался он к Главному. Одних оттолкнет, других переорет, переговорит – технология втирания сложная. Слово "втирание", пожалуй, несправедливо, в то время Красавец действовал искренне, без задней мысли, иначе бы его обнаружили. Его облекли доверием и сделали вторым лицом. Как поясняли Роману Авдеевичу – глуповат и не опасен.

Второе лицо – роковое лицо. Казалось бы, рядышком, один шажок стоит сделать, а никак. Не перешагнуть. Существует невидимая, заколдованная чер-та. Сколько примеров история давала – допустим, происходит естественная смена, должно на место усопшего прийти второе лицо; вдруг поднимается вихрь, в результате второе лицо куда-то уносит, на месте первого обнаруживается совершенно неожиданный человек. Второе лицо всякий раз исчезает. Не удастся ему достигнуть. История терпеливо учит нас, но никто не хочет обучаться у нее. Начальства на ее уроках не увидишь. Начальство уверено, что с его приходом наступает нечто такое, чего никогда нигде не было.

Неизвестно, по какому поводу в голову Красавца закралась мысль, что он мог бы управлять народами не хуже Главного, и осанкой, и вальяжностью он более соответствует. А уж прической и говорить нечего, у Главного никакой прически быть не могло. Для первой роли в такой огромной стране нужен был и человек державного вида. Нехитрая эта мысль утвердилась в его искусно причесанной голове, и когда Главный отбыл в очередной заморский вояж, наш претендент стал посещать одного за другим своих содельщиков. Речь он заводил о том, как Главному совмещать разные должности. Надо бы позаботиться о его здоровье, освободить его, допустим, от секретарства. Оставить ему сельское хозяйство, и ли какую-нибудь почетную должность. Есть такое мнение. С ним осторожно соглашались, не зная, чье мнение. формула насчет мнения всегда срабатывает. Тем не менее, возникал вопрос, от которого никто не мог удержаться – кого ставить будем?

Красавец улыбался, блистая крепкими зубами. Ясно кого, кого же еще, если не его. Никаких уклончивых формул он не применял, рубил напрямую – его ставить! И похохатывал. И ему ответно смеялись. Конечно, он мог бы ответить изящнее, допустим, как Отелло: "Когда явилось сомнение, то с ним и решение". Но он не читал Шекспира. Мог бы привести английское выражение: "Подходящий человек на подходящем месте"; сказал бы "как повелят боги", сказал бы что-нибудь многозначное в духе Талейрана или Вольтера, не называя вещи своими именами. Ну, хорошо, не привик к таким тонкостям, пожал бы плечами и скромненько: "Это уж вам решать". Мог бы, а в том-то и шутка, что не мог, язык бы не повернулся себя не выставить. Попутно приходится заметить, что почему-то все крылатые слова, и изречения произносят Наполеон, Кромвель, Людовики, Черчилль, русские цари и их министры. Наши же начальники говорят, говорят, а произнести ничего прочного не могут.

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Хоть бы промолчал наш соискатель, нет, не сумел, и на том просчитался. Когда вернулся Главный, ему доложили. Один за другим докладывали и за-кладывали, ибо многие считали себя достойными. Вызвал Главный к себе претендента и начал его препарировать: "Интригами, значит, занялся, на мое место собрался?" Тоже прямым текстом шпарит и раскрывает досье о прошлых делах нашего Красавца-жизнелюба. Жалобы на него, письма наших горожан-идеалистов. Мы смеялись над их надеждой, что там, в столице, прочтут и примут меры, оказывается кто-то прочел и положил в папочку до нужного момента. Подошел, наступил этот момент. Было там еще кое-что, Главный взял его за шкурку и мордой об эту папочку. Заговорщик! Наш отрекался, молил о прощении, чего-то нес жалкое, только всхлипы доносились из кабинета. Рык, матюг, и в ответ всхлипы. Главный разошелся: "Смердюк! .. Мудила! – слышалось. – Нарумянился, буй кудрявый! Мы с тебя портки снимем и пустим голяком, покажем, какой ты есть ...дун!" Язык у Главного был богатеиший, в этом, между прочим, была разница между ними, не говоря об остальном.

Заговорщик выполз из кабинета чуть ли не на карачках, измочаленный, мокрый, ничего не осталось от его красоты. Передают, что волосы его висели, сам он крупно дрожал, никто не осмелился подойти к нему помочь. Побрел он в коридор, держась за стену, и там грохнулся на пол. Вызвали врачей. По-явился Главный, постоял над ним, посмотрел, произнес беспощадно: "Если загнетса, похороним на Красной площади, выздоровеет – исключать будем!" Нравы там, на верхотуре, суровые.

Определили insult. Отнялась речь, парализовало. Лечили, как положено, заграничными лекарствами. Консилиумы. Улучшений не наступало. Днем сажали в коляску, возили по саду. Уход был наилучший. На праздниках портреты Красавца вешали в ряду прочих, как положено. Обыватель знать не знал о происшествии. Жизнь членов происходила по неведомым законам. Однажды кто-то из них исчезал, куда неизвестно, появлялся новый, художники на том же туловище малевали другую физиономию. Говорят, что цоколь еще не статуя. У нас же важнее был цоколь, статуи на нем могли меняться.

Бывший Красавец слушал радио, смотрел телевизор, вроде что-то понимав но говорить не мог, мычал, моргал, кривился – словом, выражал какие-то свои суждения по разным вопросам.

Шли месяцы, и наступил день, когда объявили обуходе Главного, конечно, по состоянию здоровья. И о назначении нового. Красавец наш, несмотря на сплошной паралич, оставался членом всего, а Главный – несмотря на могучее здоровье, был от всего отставлен. Переворот все же произошел, свергли только аккуратнее, умнее, учтя опыт Красавца.

Он же, бедолага, услышав это и увидев на экране изображение Нового, пришел в страшное волнение, задергался, захрипел, вдруг руки его затряслись, он приподнялся в коляске, встал во все сь рост, закричал довольно внятно: "Я должен быть Главным, я, это я...!" Можно было подумать, что к нему вернулась способность говорить. Становился синий и повторял без конца эти слова, ничего другого, выкрикивал, как заклинание. Вскоре он скончался.

Хоронило его новое руководство как полноправного члена своего синкли-та. Соблюли принятый ритуал – речь от руководства, от рабочих, от молодежи и от интеллигенции. Траурные флаги, оркестр... На поминках помощник его, подвыпив, сказал, что у нас – то слишком рано, то слишком поздно, никак не попадем в срок, история сбилась с ног, выправляючи.

Раздумывая над этой судьбой, Роман Авдеевич доходил до маленького сосуда в мозгу, который вздувался, вздувался от страха и лопнул. От него все зависело. Неустойчивая система. А если бы не лопнул – Главный поорал бы и отошел, успокоился, наверняка простил бы, очень он был самоуверен, беспечен.

В этом месте автор хочет продолжить мысль своего героя. Сосудик или тромбик не предусмотреть, и получается, что жизнь сотен миллионов зависит от тромбика в примитивном полушарии того Красавца. Если так, то никаких закономерностей в истории не установить, и история – это скорее искусство, чем наука. Коллеги немедленно начнут про поступательное движение производительных сил, нужды народов, диктующие сквозь хаос случайностей, автор знает про это, читал, однако что можно возразить обывателю, которого не интересуют сотни лет, нужные для поворота истории? Ему про личные его сроки извольте, про отпущенные шестьдесят или семьдесят лет. Мелочь? А зачем ему тогда вся наука, если она в сроках

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru человеческой жизни ничего понять не может? Нет уж, вы будьте любезны в микропроцессах разберитесь, если вы считаете жизнь обыкновенную малой величиной. Астрономы и те предсказывают кометы и затмения, а историки прошлое не могут предсказать, какое оно будет, наше прошлое, спустя десять, двадцать лет.

Во всяком случае, Роман Авдеевич сделал вывод. Не переживать, беречь сосуды. Пока сосуды целы, есть шанс, всего можно дождаться. Не принимать к сердцу. В голову не брать. Гори все прахом. Соратникам генералиссимуса сносу не было, железные мужики были, без нервов, без душевной маеты, им все по касательной шло. Жили соответственно по девяносто и больше, и в ус не дули, хотя вроде в страхе, жен ихних и брагьев-сестер сажали, ссылали, а они хоть бы хны. Геронтократы. "У нас не автократия, сказал один из помощников Главного, а гарантократия".

11

Нашего дорогого Романа Авдеевича заметили. Все чаще стали приглашать наверх. Допускали и присматривались. Никто его не учил, не предупреждал, он сам, своим чутьем, своим умом должен был ориентироваться в чащах власти. Надо было следить за каждым своим словом, как ты его произносишь, какой жест при этом делаешь. Например, если Главный хекал, то и другие начинали хекать, и Роман Авдеевич перешел на хекание. Хлопать не раньше, чем они захлопают, смеяться тоже со всеми.

Малейшее не то, и пропал, перетолкуют, преподнесут в самом скверном виде, и все многолетние усилия насмарку. Там, точно охотник в лесу, хрустнуть веткой нельзя, вспугнешь свою добычу.

Он стал вхож. Великое понятие тех времен. Людей его должности и прав много, а вхожих – несколько. Вхож – значит можно позвонить наверх, и соединят. Можно приехать, и примут, не сегодня, так завтра. Вхож – значит можно прийти просто так – посоветоваться, и с тобой поговорят не только по делу. Вхож туда – значит к обычным начальникам – министрам, зампредам, можно запросто, с ходу, с поезда. Не так важна должность, как вхожесть. Быть вхожим – значит иметь особые привилегии, тайный знак превосходства.

С тех пор как нашего Романа Авдеевича стали приглашать на заседания в Москву, почти на самый верх, помощники его, готовя материал, ломали головы. Фактически это должен быть не материал, а полный текст выступления. Тема была известна, но вот "за" или "против", отклонить или под-держать – неизвестно. Предположим, вопрос об абортах: запретить? разре-шить? воззвать к сознательности? Какие факты подбирать – не поймешь. Мнение самого Романа Авдеевича выяснить невозможно. Не говорит. Про-износит слова о защите интересов женщин, об укреплении семьи, толкуй как хочешь: хочешь в пользу аборт, хочешь – наоборот. Помощники никак опознаться не могут, Роман Авдеевич, похоже, одобряет и тех, и других. В ре-зультате одни готовят ему выступление – за аборт, другие – против, сорев-нуются, кто убедительней. И представьте – берет оба текста. Одно выступле-ние кладет в один карман пиджака, другое – в другой. На заседании, смотря куда склоняются прения, вынимает то или другое выступление и читает. Важ-но не перепутать. Оказывается, такая избрана была альтернатива. Помощни-ки, когда раскусили, в чем тут нюанс, обрадовались, большое облегчение по-чувствовали, никто не увидел в этом ничего предосудительного. Наоборот, поняли, что искусство руководителя, видимо, в том и состоит, чтобы не идти против обстоятельств, а умело использовать их – вот задача! Престиж руководителя поднимает престиж города. Зря некоторые намека-ли, что Роман Авдеевич подлаживался, ловчил, не имел своего мнения. Крити-ковать легко, а как быть, если мнения расходятся, колеблются, и на чьей сто-роне Сам, не определить? Попробуйте точно угадать момент, когда взять слово. Тут нужна тончайшая наблюдательность. Сверхчувствительность нужна. Нельзя оказаться в противоречии, нельзя и запоздать. Если мнение Самого выяснилось, тогда уж поздно высываться.

По каким-то ему одному ведомым признакам Роман Авдеевич первый определял единственно решающую минуту, поднимал руку, делал ею движение, обозначающее – "Ладно, рискну!", доставал из нужного кармана бумагу и попадал в яблочко. Постепенно, раз за разом, Роман Авдеевич наращивал репутацию человека решительного, прозорливого. Надо было видеть, как, достав бумагу, он зачитывал свое мнение, с выкладками, цифрами, цитатами из первоисточников. Волновался,

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru голос его дрожал, как будто Роман Авдеевич – набрался духу и осмелился изложить наболевшее. Чувствовалось, что человек давно обдумывал проблему, имеет твердое суждение, основанное на фактах.

Со временем аппарат его – вышколенные ребята, вежливые, чисто выбритые, с непроницаемо-зеркальными глазами – стали находить нормальным, что настоящий крупный руководитель имеет не одно мнение, а два. Такова диалектика роста и закона нового мышления. Иначе нельзя.

Найдутся, особенно в наше время, молодые, которые возразят – ради чего, собственно, следовало так угодничать? Так терять свою личность? И будут при этом брезгливо кривиться. Но человечно ли презирать игрока, проигрывающего последнюю рубашку? Влюбленного, готового терпеть унижения? Разве они вольны в том чувстве, что безраздельно властвует над ними? Так и с Романом Авдеевичем. Одна, но пламенная страсть владела всеми его помыслами, определяла все его действия. Каждый его поступок так или иначе был связан с великой целью, поставленной им. Автору не в каждом поступке удавалось найти эту связь, случались у Романа Авдеевича и отступления, жизнь самого целеустремленного человека не выглядит как прямая линия. Но, несмотря на путаницу зигзагов, обходов и уклонений, можно проследить неукоснительное движение Романа Авдеевича вперед и вверх. Только вперед, только вверх. На четверть века раньше, где-нибудь в 1937-1938 годах, движение его происходило бы куда быстрее. То были хотя и опасные, но дивные времена головокружительных взлетов. Буквально за несколько месяцев люди делали блестящие карьеры. Быстрее, чем на войне. Ныне же приходилось прорубать свой тоннель сантиметр за сантиметром. Мускулы души Романа Авдеевича крепили в этой каждодневной работе, воля росла, ум изощрялся, стал гибким, находчивым. Если бы удалось незаметно подменить Роману Авдеевичу цель, подставить ему, допустим, научную цель, то нет сомнения, что человечество приобрело бы крупного изобретателя, получило бы средство от ураганов, новый пятновыводитель, лекарство от СПИДа, словом, что-то для всеобщей пользы.

Боже ты мой, стоит придумать устройство переводить страсть властолюбия в иную, такую же могучую, все одолевающую энергию, допустим, милосердия или мастерства, и какую добавку сразу получило бы человечество, сколько выдумки, живительных сил приобрели бы наши чахлые добродетели!

Увы, нет такого средства, и замечательные характеры, подобные Роману Авдеевичу, все так же рвутся к чинам, сменяя все на своем пути, к возможно-сти владеть судьбами населения, править, приказывать, ибо если не они, то кто же?

Вопрос этот отнюдь не риторический. Роман Авдеевич считал себя достой-ным высоких постов. Наивысших. Впрочем, и пост, и должность – не те понятия, они из словаря карьериста. Автора, к сожалению, все время носит на какие-то привычные ему типы, тех же карьеристов, которых наше время плодит в несметных количествах. Роман же Авдеевич нечто иное, автор даже затрудняется его определить, потому что надо войти в такую психологию, которую и вообразить не хватает духу. Сам Роман Авдеевич не решался себе сформулировать. Карьеристу нужно иметь под собой все больше учреждений, предприятий, людей. У нашего Романа Авдеевича мысль шла другим путем, в качественно ином направлении, и отнюдь не безопасном: он хотел стать вождем! Руководить народом. Не обязательно всем народом, но какой-то частью народа, например, республикой. Формально у него для этого имелись все данные: читал он доклады отчетливо, имел неплохую дикцию, имел дип-лом, поскольку кончил какой-то технический институт, имел хорошую анкету. Всего у него было в меру, тут тоже надо избегать перебора. Один из конкурентов Романа Авдеевича имел ученую степень, кандидат, может, доктор наук. На этом и спекся. Чересчур ученый. Докторская его степень раздражала начальников. Равняться надо было на верх, а там – один с грехом пополам кон-чил железнодорожный техникум, другой – заочно педагогический институт, и то когда заведовал отделом в республике, так что преподаватели приезжали к нему в кабинет принимать экзамены. У третьего числилось: "Учился в пищевом техникуме". Кончил или нет, это перестало иметь значение с тех пор, как человек достиг. Раз достиг, то, значит, дело не в образовании, может, потому и достиг, что "мы университетов не кончали". Диссиденты злословили, что все члены, мол, были недоучки – инженеры были никудышные, учителя плохие, специалистов из них не получалось, вот и устремились в общественную работу. И к нашему Роману Авдеевичу тоже пытались приложить эту теорию. Всякие мудрецы – схоласты. Не понимали, что, может, тупыми инженерами-обалдуями члены были потому, что призвание имели другое: зная нести хотели, взвалить на себя бремя государственных забот. Если бы они попали в

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru техникум, где готовят вождей, они были бы там отличниками. Так ведь нет такого училища.

В любой конторе, от министерства до жакта, на вокзалах и больницах, в домах отдыха и на пароходах висели плакаты с портретами членов и канди-датов. Этакая галерейка олигархов – членокотека. Все в одинаково черных костюмах, черных галстуках, одинаково суровые, они испытующе взирали на Романа Авдеевича, начиная с его детских лет, а затем – в школьные и сту-денческие годы. Можно сказать, он вырос под их присмотром. Они были почти бессмертные, а уж непогрешимые – это точно, как боги.

Однажды, будучи еще аппаратным чиновником, находился он в столичной командировке и там попался на глаза тогдашнему нашему персеку. То ли у него приболел помощник, то ли еще почему, но взял он с собою Романа Авде-евича на охоту. Да не просто на охоту, а с участием Самого. Был тогда наш персек на "взлете", пригласили его, а он взял нашего героя, ибо полагалось иметь при себе помощника.

После охоты расположились на пикник по-русски, что означает выпивон. На природе, под дубами, по-простецки, стол некрашенный, табуретки, костер, кабан на вертеле. Когда олигархи хорошо "приняли", пошли байки-потешки, и двое приближенных олигархов повздорили. Из-за чего, Роман Авдеевич не слышал, ибо стоял поодаль, с прочими помощниками. Слово за слово, и сцепи-лись. Задрались. Самым простейшим образом: матерясь, лупили друг друга кулаками, ногами, таскали за седые волосы... Никто их не разнимал. Сам хохотал, остальные подзуживали. Роман Авдеевич взирал зачарованно, – это были те самые боги, бессмертные, чьи лики словно на иконостасах сияли перед ним все эти годы. Вот тут и посетила впервые его дерзкая мысль, крамольнейшая, которая никому из окружающих не пришла в голову, а ему пришла: а чем он хуже? Несмотря на весь его трепет выходило – не хуже. Он из их рода.

С того дня все определилось, выстроилось. На примере Романа Авдеевича можно показать, как человек, который все силы ума и воли сосредоточит на поставленной цели, может пройти ох как далеко. Желание – оно и есть спо-собность.

А если желание страстное, все себе подчиняющее, то это вообще как талант. Роман Авдеевич ведь не желал стать поэтом, музыкантом. Он желал стать вождем, в виде члена ПЭБЭ. Значит, у него к этому ПЭБЭ был талант. Может, были у него еще к чему-то способности, только он в себе их не разыскивал и путь свой по лестнице успеха представлял наиболее почетным. С годами, чтобы удержаться на этой скользкой лестнице, приходилось все больше гнуться, пластаться так, что не осталось в нем ничего своего, все было принесено в жертву, все было запрятано и там сгнило.

Ряд историков доказывает, что Роману Авдеевичу способствовали случай-ности, историки прослеживают, как одна случайность за другой выталкивали его на поверхность. Получается, что личных заслуг у Романа Авдеевича не имелось, вместо него мог быть и другой. Однако почему-то этого не произошло, хотя в соседних краях появлялись такие выжиги, такие начальники, про которых и вспоминать неприятно, лишь руками разведешь, каких прохиндеев земля рождает. Уж они бы никакой случайности не упустили. Нет, наш Роман Авдеевич обязан своему возвышению не легкомысленной игре случаев, не слепой безответственной фортуне, только самому себе он обязан, своей целе-устремленности.

12

Жизнь даже крупного начальника, которому все подчиняются, все его боятся, полна неприятностей. Дорога его идет "через тернии к звездам". Древ-нее это выражение чрезвычайно нравилось Роману Авдеевичу. Смысл его был многозначен, например, "к звездам" можно было понимать по-разному, не обязательно астрономически. Тернии тоже. Тернием, например, оказался знаменитый в городе человек, академик Сургучев. Сколько раз ему предлагали переехать в Москву, должность давали, он отказывался. Одно это выглядело в глазах Романа Авдеевича странным. Числились за академиком и другие проступки. Например, на одном научном семинаре его коллега, выступая, сравнил многообразные таланты Романа Авдеевича с универсальностью Петра Великого, на что академик в своем слове согласился, сделав лишь одну ого ворку, что "Петр Первый получил свои таланты от природы, а Роман Авдеевич от

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru льстецов". Согласитесь, замечание бестактное.

Куда серьезней дело обернулось с очередной работой академика. Выяснилось позднее, что она была как раз неочередная. Это была внеплановая работа. Никто не заставлял ее делать. Она и в план, и в показатели не засчитывалась. Директор Института утверждал, что ни в каком плане ее не утвердили бы. Она шла по разделу инициативных работ. Что-то в этом роде. В науке это почему-то разрешается. Директор ссылался на то, что в прошлом многие работы так делались, периодическая система тоже Менделеевым не планировалась. Сам Сургучев заявил, что он якобы случайно набрел на открытие методики.

Редакция вполне благопристойного академического органа, ознакомься со статьей Сургучева, пришла в волнение. Принесли ее Главному редактору. Тот прочитал, схватился за голову, позвонил Сургучеву, уговаривал взять статью обратно. Сургучев наотрез отказался. Редактор вызвал сотрудников, предупредил, чтобы все сохраняли редакционную тайну, и отбыл наверх посоветоваться. "Наверх" это великое благо каждого руководителя. Правда, последнее время там стали отпихиваться, "решайте сами", "тут мы не указчики", но, перелистав статью Сургучева, отпихиваться не стали. Передали ее еще выше, этажи перезванивались, засовещались, сделали запрос Роману Авдеевичу, тот ничего не знал, зато насчет Сургучева высказал неудовольствие. Он резонно полагал, что от ученого, который печатается за границей, вряд ли можно ожидать чего хорошего.

"Ладно болтать, – довольно грубо оборвала Москва, – не владеешь вопро-сом, сперва ознакомься, до чего вы там дошли", – и предупредили, чтоб уладил, "снял вопрос", и "по-хорошему". Рукопись переслали. Засекреченную. По наивысшему грифу: "совершенно секретно, особой важности". Так что самому Роману Авдеевичу выдали под расписку. Без права показать своим консультантам-референтам.

Давно он не занимался самоличным чтением. Политическая литература, философская – все это ему обзор делали. Художественную (местных авторов) – излагали содержание.

Статья Сургучева была небольшая, но плотная. Вникнув, Роман Авдеевич понял, почему наверху всполошились, почему бросили ему упрек: "ничего себе, пригрел...". Сам он, захлопнув папку, заходил по кабинету, расстроено поглядывал на телефоны, позвонить бы кому, посоветоваться, да кому позвонишь с таким делом? Это надо же додуматься – предложить способ, как определить эффективность работы партийных руководителей. Мало предложить – разработал методику! Всестороннюю, поскольку, как отмечал академик, считалось испокон веков, что партийную работу нечем измерить, нет таких показателей, что она неуловима, невещественна, как эфир. Нечто нематериальное, во всяком случае, недоказуемое. И в то же время кое-кому ведомая. Тайна ее в том, что видима она была лишь сверху, снизу же или сбоку оценить ее никак невозможно. Кажется, работник и туп, и невежда, а его выдвигают, и тянут, и опекают. Значит, что-то имеется. Объективный метод Сургучева при-менялся просто, как термометр. Измерить можно было любого персека. С по-правками на местные условия. Любой обыватель, если получил бы данные, мог бы определить.

факт этот, конечно, весьма обеспокоил, само появление такой идеи было непростительно, она могла появиться лишь у человека чуждого.

Разговор с Сургучевым происходил трудно. Академик не хотел понимать идеологическую вредность своего открытия. Выпучив свои близорукие вы-цветшие глазки, он разводил руки, да господь с вами, да ведь вы должны радоваться, вам можно будет избавиться от болтунов и дураков.

– Подбор кадров, кадровая политика – важнейший рычаг партии, – втолковывал Роман Авдеевич. – Неужели вы думаете, что у нас нет методов, мы без вас, слава богу, разберемся.

– Не разберетесь, – говорил Сургучев. – Если до сих пор не разобрались, то не разберетесь.

– Но вам-то что? Вам-то какое дело?

– Это в каком смысле?

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Вы же не имеете отношения, вы же беспартийный человек.

– Имею. Очень имею. И страдаю от ваших охломонов.

Тут Роман Авдеевич оживился.

– От кого именно? В чем?

– Ах, если бы один, – сказал академик. – Их тьма. Попробуйте на моем месте, – он почесал свой малиновый висячий нос. – Они у вас, как на под-бор.

– Напрасно вы обобщаете, – произнес Роман Авдеевич со значением. – Прислушались бы. Если у вас есть конкретно на кого материал, мы готовы.

– Что готовы? – недоуменно спросил Сургучев.

– Назовите, кто вам мешает. У нас должно быть взаимопонимание. Мы вам всегда шли навстречу. Мы же вас академиком сделали, премию дали.

– Вы? – спросил академик совершенно недопустимым тоном.

– А кто же еще?

– Я полагал, мои работы...

Роман Авдеевич хмыкнул, как можно язвительней. Ничего в городе не делалось без его ведома. Депутатов сперва выбирал он, потом население, и су-дей, и секретарей; он утверждал директоров, с ним согласовывали начальни-ков и почты, и милиции, и вокзала, а уж кого на академика, это подавно.

– Значит, как у Щедрина, – сказал академик. – Только те науки распро-страняют свет, кои способствуют выполнению воли начальства, – и сам засмеялся, продолжая распивать принесенный чай и похрустывать печеньем.

Следовало ему вести себя поскромнее, учитывая, что биография его была и без того подмочена. Сидел! В молодости был на Беломорканале. Никакне научные труды этого не перекроют. Некоторые утверждают – почетная фигу-ра для нашего города. И что с этого, спрашивается? Какая польза от него Роману Авдеевичу? Одни хлопоты и неприятности.

– Мы контролируем вашу работу, а вы, значит, хотите наоборот? Нас контролировать хотите? – спросил Роман Авдеевич и устремил на академика свой замораживающий взгляд, от которого люди теряли дар речи. Академик отставил чашку, вытер губы.

– Хочу, – признался он.

Собственно, это словечко окончательно решило его участь. Да еще некоторая надменность, как будто именно от него, Сургучева, что-то могло зависеть, от его мнения о Романе Авдеевиче и всех сидящих в этом здании.

С этого времени работу Сургучева засекретили, предупредили, что упоми-нать ее, ссылаться на нее нельзя, нарушение будет рассматриваться как разглашение гостайны. Сам академик по своим анкетным данным доступа к своим материалам был лишен. Выезд за границу ему был запрещен, сделали его невыездным. Настырным иностранцам сообщали, что он или болен или занят. Наперекор официальным сведениям Сургучев писал, что здоров, рад был бы приехать на симпозиум, да не пускают. Явно нарушал правила прили-чия. Пошел на конфронтацию. Нанес урон авторитету власти. Немудрено, что однажды вечером его избили в его же парадной. По его заявлению, трое пар-ней, ничего не объяснив, молча стали избивать. Он упал, они потоптали его, впрочем, аккуратненько, учитывая хрупкий стариковский костяк. Так что крупных телесных повреждений не осталось. Плащ порвали, костюм. В мили-ции интересовались, не взяли ли чего. Записали: "Факта ограбления, по словам потерпевшего, не было".

– Такой нюанс свидетельствует о личной почве, – сделал вывод началь-ник милиции. – Сведение счетов, может, ревность? .. Вам бы надо уяснить свою коллизию.

– Коллизия в том состоит, – сказал академик, – что еще при Николае Первом

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru поставлено было, что имеющих высшее образование нельзя сечь и под-вергать прочим телесным наказаниям.

Когда Роману Авдеевичу доложили о его словах, он резонно заметил: "А у нас нынче равенство!"

Академик слег. Кандидатуру его выдвинули на пост вице-президента Академии наук. Роман Авдеевич считал это выходом из положения. Ученых лучше всего усмирять, назначая их на высокие посты. Практика показывает, что они быстро становятся исправными чиновниками. Звания их создают ореол начальству.

Строптивый Сургучев, вместо того чтобы благодарить и радоваться, отка-зался, не оценив хлопоты персека, и остался в нашем городе. Пришлось за ним устанавливать постоянное наблюдение, чтобы он не вздумал каким-то образом опубликовать свою крамолу.

Вся эта история притормозила восхождение Романа Авдеевича, но упорно, как муравей, он обходил препятствие за препятствием, так что эффективность его партийной работы была велика.

13

Однажды Роману Авдеевичу во сне явился художник Попонов, которого он велел выслать как тунеядца, за его выпады. Художник во сне раздавал прохожим открытки, где были кошечки с бантиками и поздравительным текстом для начальства. Все читали, смеялись и показывали пальцем на Романа Авдеевича. Он хотел утаиться, побежал. За ним погнались собаки, кошки. Он влетел в какой-то дом. Там сидел высоченный человек. Роман Авдеевич закричал ему: "Спасите, спасите!" Человек наклонился к нему, и Роман Авдеевич увидел над собой академика Сургучева. Лицо академика было в синяках. Криво улыбаясь, он двумя пальцами поднял за шиворот Романа Авдеевича и стал измерять его штангенциркулем. И все сдвигал и сдвигал губки штангеля. А вокруг сидели собаки, оскалив морды, и кошки с горящими лунными глазами.

Роман Авдеевич проснулся весь в поту. Страшная догадка проникала в него из этой ночной тьмы, и ее никак было не отогнать. Под утро он тихо встал, прошел к себе в кабинет. Отметки на косяке были помечены датами, и теперь перед Романом Авдеевичем ясно открылась подлая зависимость: как только он предпринимал что-то такое для своего продвижения – он уменьшался. Стоило подняться на ступеньку лестницы, ведущей туда, и он становился ниже. Смутное подозрение и раньше мелькало у него, теперь же все обозначилось явственно и безвыходно, это и была, очевидно, та самая "корреляция", которую искал доктор.

На следующий день Роман Авдеевич как бы невзначай осведомился у заведующего отделом науки, – был такой, поскольку надо было, чтобы кто то ведал наукой – как там дела у Сургучева. Оказалось, что академик не посчитался с фактом избиения его и продолжает выступать в прежнем духе.

Когда Роман Авдеевич увидел его во сне, академик чего-то бормотал. На следующий день он приснился опять и сказал уже явственно: "Лопнет чашка терпения!" Смысл был неясен, но неприятен.

С этого времени начался новый период жизни Романа Авдеевича, период трагических противоречий. Движение вверх требовало поступков, новатор-ских, заметных, на которые могли обратить внимание. Например, хотелось запретить итальянский фильм, не пускать его в прокат. По всей стране он шел, а в нашем городе чтобы не давать. И концерты рокеров. Шум, крик – почему? В Москву напишут. Из Москвы позвонят, спросят, в чем дело? А в том, что мы блюдем. Идеологию блюдем и не допустим. У вас в Москве иностранцы, дипло-маты, вам деваться некуда, а мы чистоту держим, здоровье идеологическое со-храняем. Ну, конечно, докладывают вверх – вот, мол, что позволяет себе. А там на это вполне благоприятно замечают – молодец, твердый мужик, линию хранит, ничего не боится. И, явственно представив себе все это, Роман Авдеевич не мог удержаться – запрещал.

Бояться ему было нечего, устройство нашего механизма он изучил: чем правее, тем вернее; запрещай – не ошибешься; тот отвечает, кто разреша-ет, – всё это были

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru азбучные истины. Мучило другое: всякий раз, принимая решение, он прикидывал, во что оно может обойтись, теперь-то цена была известна. Но ведь иначе не выкарабкаешься. Чтобы приблизиться, надо что-то совершить. А уменьшаясь в росте, можно дойти до того, что нельзя будет его взять туда, наверх, на самый верх, – неприлично станет, потому что есть предел. Правда, там, на самом верху, там пределов нет, там и совершать тако-го, чтобы уменьшалось, не обязательно, там можно, наоборот, разрешить себе и ослабить, страху поубавить.

В понятии "самый верх" не было ничего отвлеченного. Роман Авдеевич имел на сей пост образ зримый, до малейших подробностей. Пыхтели знамена, медно гремели духовые оркестры, и он, Роман Авдеевич, в цепочке не-скольких человек поднимался по гранитным ступенькам на трибуну Мавзолея – на самую верхнюю трибуну страны – и занимал предназначенное ему место в коротком ряду людей, расположенных по обе стороны от Хозяина. Лицо каждого, здесь стоящего, было известно стране, их портреты плыли, колыхались над колоннами демонстрантов. Все глаза были устремлены наверх, к ним поднимали детей, чтобы те видели. И он, Роман Авдеевич, приветственно поднимает руку, отвечая их радости. И тогда внизу по площади перекачивается мощное "ура-а!", по всем прилегающим улицам, по всей стране. На боковых крыльях уступами стоят десятки, сотни избранных, и они тоже поглядывают не столько на идущих по площади, сколько наверх, на посвященных.

В праздники, с утра, он должен был выстаивать на нашей городской дощатой крашеной трибуне. Столицу он мог увидеть только по телевизору вечером. Вперялся, не отрываясь, ревнивым взглядом отмечая, кто где стоит, кто как выглядит, кто с кем перекинулся, и так вглядывался, что начинал различать там себя: он стоял среди них, тоже в шляпе, третьим от Хозяина, росточком всего чуть пониже других. На вершине, на такой высоте, что личный рост не имел значения. То был апофеоз, сладостный финал, ради которого стоило терпеть! Финиш, победа!

Судя по этому видению, он успевал добраться, но если фактически, то страхи и сомнения раздирали его на части всякий раз, когда он принимал решение. Порой и можно было удержаться, а не мог. Терзался, понимал вред, какой наносил своему телу, и опасения грызли, и кошмарные картины возникали – лилипут, карлик выходит к трибуне и не видно его, мальчик-с-пальчик, уродец, над которым потешаются, – видел все это, ужасался и все равно остановить себя был не в силах.

14

В столичном журнале появился фельетон про некоего крупного начальника, названного Василием Романовичем. Отличительной его чертой была универсальность. Он выступал на съезде архитекторов и давал ценные указания по новым стилям градостроительства. Заодно поправлял и направлял строителей, подсказывая им новые материалы, ориентировал их на лучшее использование техники. С не менее интересными идеями обращался он к педагогам, занятым дошкольным воспитанием. Он сумел доказать им, что начинать воспитание надо с самого раннего возраста. Выезжая на места, он собирал, допустим, совещание льноводов, произносил вступительное слово, выслушивал специалистов и заключал докладом, где ставил задачи и намечал перспективы развития льноводства. На следующий день он приветствовал международный форум онкологов, говорил им о важности борьбы с раком, затем собирал энергетиков по поводу аварийности. Известны его речи на юбилее Общества генетиков, Института полупроводников и Института востоковедения. Трудно измерить диапазон его знаний. Он участвовал в научной конференции политологов, в симпозиуме экономистов, в международной встрече астрофизиков. Каждое его выступление разрешало все сомнения и споры специалистов. Слова его звучали твердо, фразы были выверены, недаром они печатались на первых страницах газет. Несомненно, это был ум, подобный могучим талантам Возрождения. Может быть, равный гению Леонардо да Винчи. Если из отечественных, то универсум не меньший, чем Михайло Ломоносов. Честно говоря, и у Ломоносова не было такого размаха. Музейным работникам он показывал наши советские принципы экспозиции, чем они отличаются от буржуазных, мог сориентировать овцеводов и лесозаготовителей.

Маленький, крепенький, он зычно, не задумываясь, отвечал на любые вопросы если не подробно, то в принципе. Никогда еще не удавалось поставить его в тупик. Некоторые детали напоминали Романа Авдеевича, например, запись в книге почетных посетителей в точности была повторена: "Был на ледоколе. Произвел большое

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru впечатление". Кроме того, отдельные словечки горячего словолюба Василия Романовича соответствовали выражениям Рома-на Авдеевича: "Если я говорю, значит, это никому не денется", "надо делать много больше-лучше", "наша линия идет не в зад"...

Гаврики положили фельетон перед Романом Авдеевичем, подчеркнув крас-ным все места соответствия. Роман Авдеевич разгневался, хотел было звонить в редакцию, ему отсоветовали. Стоит ли признаваться в том, что не явствует. Факт, что фельетон напечатали не случайно. Кой-кому Роман Авдеевич, руко-водитель нового типа, стоял поперек дороги. Соображение это несколько успокоило персека, прибавило ему веса.

Строго говоря, фельетонист искажил факты. У него Василий Романович фигура плоская, одномерная. На самом деле Роман Авдеевич умел увлечь аудиторию своими выступлениями. Он создавал напряжение схватки с про-тивником. Каким противником – неизвестно, важно, что коварным, замаски-рованным. Трудности, недостача, невыполнение – все становилось подозри-тельным. Мелькали чьи-то тени, проблескивали намеки. Его речь отличалась убежденностью. Он отвечал за все и за всех, поэтому он должен был всем указывать. Тяжело, трудно, но что поделаться: такова была его работа. Они все сами жаждали, чтобы он приехал. Добивались. Упрашивали. Обижались, если приезжал второй секретарь. Значит, недооценивает библиотекарей, связистов, милицию. Конференция не конференция, перевыборы не перевыборы, если он не приедет. Они готовят ему примеры, на самом деле все выступление готовят, а потом цитируют и ссылаются на его слова, написанные ими же. Благодаря своей исключительной памяти он мог повторить без бумажки слово в слово. Но он усиливал текст, заострял, украшал его розами обещаний, и они бурно апло-дировали. В сущности, он презирал их. Стоило ему с кем-то поздороваться за руку, и тот был уже на седьмом небе. Они ждали указаний, без этого они теря-лись. Специалисты, а все они чего-то боялись, их надо было направлять подгонять. Он всегда знал где, в каком месте они будут хлопать. Потому что они обязаны были хлопать. Это был ритуал. И они соблюдали его добросовестно, даже с радостью. Выйдя из зала, они спрашивали друг друга – а что он сказал? Никто не мог толком пересказать. Они не понимали, что это хорошо, что важно чувство приобщения к борьбе и движению вперед. Роман Авдеевич любил приводить своим секретарям слова какого-то француза: "Если бога не было бы, его следовало бы выдумать". У него это звучало иначе: "Если Противника нет, его следует выдумать".

Будь Роман Авдеевич похож на Василия Романовича, ему бы не удалось долго продержаться, уж продвинуться – тем более. Все же без каких-то привлекательных черт трудно, известно, например, что в высоких кругах Роман Авдеевич славился своими карточными фокусами, он неплохо забивал козла, и, вот уж никогда не скажешь, любил петь. Он пел полузабытые ро-мансы, с чувством прижимая руки к груди.

Ты сидишь у камина

И смотришь с тоской,

Как печально огонь догорает...

Гладкое белое лицо оставалось неподвижным, но глаза увлажнились.

Журнал Роман Авдеевич распорядился в продажу не пускать, подписчи-кам тоже не доставлять. "Как так?" – спросил начальник связи. Очень просто, сказали ему в секретариате Романа Авдеевича, сам соображай. Хочешь быть – умей вертеться. Условие, конечно, непростое, поэтому у нас такие ловкие начальники подобрались, умеют вертеться. Журнал с фельетоном граждане не увидели, решили, что это столичные сплетни. Попозже редактора журнала сняли, разумеется, по иному поводу.

Слушая очередное выступление Романа Авдеевича на дискуссии историков, участники перешептывались: "Леонардо!", кличка приклеилась, и кое-кто из угодников стал употреблять ее даже с гордостью. Пока художник Попонов не изготовил картину – обрамил физиономию Романа Авдеевича волнистой бородой Леонардо, семью локонами, накинул ему на пиджак плащ, дал в руки циркуль, кисти, на фоне президиума, за длинным столом, крытым красною скатертью, все это в виде "Тайной вечери", а сам Леонардо на трибуне. Получилось узнаваемо, наши городские умельцы быстро отпечатали картину в виде литографии и открыток и стали продавать из-под полы.

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru Их застукали. Вышли на Попонова. Позвали его кой-куда, предложили на выбор: или поса-дим, или уезжайте из города. Начальство не ссылалось на законы, на статьи. И Попонов тоже не требовал, все решили полюбовно. Бесполезно с ними тягаться, сказал он автору. Не судись – удавишься. Согласно его философии, подоб-ные события надо воспринимать спокойно, как явления природы. Не вступать же с ними в этические отношения. Холодная осень, град, жара, они не требуют протеста или благодарности. Это данность. Так же, как наш дорогой Роман Авдеевич, данность, порождение существующего порядка, физиономия не-обходимости.

Провожали его совсем немного людей, остатки нашего инакомыслия. Выпили из горла на перроне, возле вагона.

– Наплюй, Попонов, наплюй на него, – повторял один из художников. – Мы доживем, наше дело дожить, для этого надо плевать.

– Плевать можно только вниз, – отвечал Попонов. – Вверх не получа-ется. Я пробовал. – Он оглядел приятелей, стоящих поодаль двух "сотрудни-ков" в одинаково серых костюмах и подмигнул автору. – Я кто? Я подданный. Не гражданин, а подданный самого передового государства, вот оно мне и под-дало, поэтому мы что? Имеем право поддать, – он помолчал и сказал гром-ко: – Скучная у нас страна. К тому же, ее любить надо.

15

Все исторические события происходили в Москве, там проводились исторические пленумы, принимали исторические решения, произносили исто-рические речи. В нашем городе ничего исторического не получалось, потому что для исторических событий необходимо присутствие исторических лиц. Исторические же лица к нам не приезжали. Роману Авдеевичу все же удалось добиться согласия одного члена Пэ Бэ баллотироваться на выборах от нашего города. Ныне мало кто помнит Кузьму Андреевича, а в те времена он являлся фигурой весьма внушающей и влияющей.

История, она любит, прежде всего, первых лиц. Она привыкла со времен самодержавия располагаться по царям. Монарх такой-то сменяет монарха такого-то, и начинается новая эпоха. У каждого царя имелся свой раздел в учебнике истории. Удобно и никакой путаницы. Вторые и третьи лица, великие князья и претенденты не в зачет. На самом-то деле именно они опре-деляли, Роман Авдеевич прекрасно понимал, кто готовит решение, от кого зависит назначение. Такой человек, как Кузьма Андреевич, благополучно пе-ремещался из одной эпохи в другую и всегда оставался нужным. Он ведал идейным снаряжением, обеспечивал идеологией, снабжал лозунгами, ко-мандовал борьбой с чуждыми взглядами, вкусами. Он один досконально знал это таинственное идейное хозяйство, в чем состоит наше превосходство и поче-му гибнет капиталистическая система.

Встречали его на вокзале. Как человек старого склада, как его Учитель, самолетов он не признавал. Не торопясь, поездом, в салон-вагоне. Встречу Роман Авдеевич организовал по высшим правилам преданности. Перрон мылом вымыли, милиции новенькую форму выдали, в буфете салфетки вставили в стаканчики целыми, не нарезанными на крохотные треугольнички. Кузьма Андреевич вышел из вагона, обнялся с Романом Авдеевичем – целоваться в то время еще не полагалось, да и Роман Авдеевич еще "не достиг". Шествовали они по перрону в некотором сопоставлении: Кузьма Андреевич – высокий, тощий, старомодный плащ из серого габардина болтался на его костлявой фигуре, как на вешалке, вид нездорово-желтый, засушенный. Рядом – наш Роман Авдеевич, хоть и маленький, зато румяненко-крепенский, как наливное яблочко, одет модно, с иголки. Кузьма Андреевич как бы олицетворял минувшую культовую эпоху, последний сталинист. Наш же олицетворял довольную собой пирующую эпоху, которую затем окрестили "застойной", хотя с большим успехом ее можно назвать "застольной". Контраст был эффектный. Позади – свита, длинный хвост, особенно женская часть – вся в заграничных плащах, импортных перчатках (тогда импортное только им доступно было). Правда, некоторая одинаковость имела место: сапожки у всех серые, австрийские, шарфики у всех японские, зеленые, и улыбки у всех тоже одного размера.

Шли они по начищенному перрону, и помощник Романа Авдеевича осведомляется у помощника Кузьмы Андреевича насчет обеденного меню шефа. Тот помощник

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru предупреждает этого помощника, что шеф его строго соблюдает диету, ему прописаны на сегодня рыбные блюда. Какую именно рыбу, – допытывается наш помощник. Тот помощник говорит – лучше будет постную. Наш помощник уточняет, какую именно – судак или форель, или еще что. В точности, впрочем, неизвестно, как появилась в разговоре форель, действительно ли данная порода была согласована с самим Кузьмой Андреевичем, в каком контексте, может, Кузьма Андреевич сказал безразлично – "любую, лишь бы не жирную", может, помощник сказал "можно форель", или "годится форель". Может, он, помощник, сам любил форель. Как бы там ни было, форель была названа, и без всяких вариантов. Наш помощник заверил его помощника, что все будет в порядке. Пока Кузьму Андреевича горячо принимал трудовой коллектив, а он принимал цветы, обходил цеха, затребовали форель, и вдруг выяснилось, что форели в городе не имеется. Такой произошел провал. Нету и все, ни одной рыбины типа форели на данный момент нигде – ни в спецсадках, ни в ресторанах Интуриста – нету, полный абзац, как говорится. Положение для города постыдное.

Начальнику, который отвечал за обед, пришлось доложить начальнику отдела, начальник отдела явился, опустив голову, к помощнику Романа Авдеевича. Дальше надо было выходить на самого Романа Авдеевича. Это на вид мелкий вопрос, а попробуй такое сообщить! Вызвали хозяйственников, те пораскинули своими тертыми мозгами и рекомендовали связаться с Ереваном, где должна иметься севанская форель. Связались по ВЧ. Форель в наличии имелась, хоть вагон отгрузят. Вагон ни к чему, у нас все горит, нужно успеть к обеду. Единственное средство – самолет. Простым рейсовым поспеет к вечеру. Придется спецрейсом, военным самолетом. Через командующих договорились: на радиосвязи сидела группа, которая обеспечивала ход операции. Загрузили чан с живой форелью. У нас в аэропорту самолет ждала машина. Милицейскую с мигалкой пустили впереди для скорости. Повару чан был доставлен с опозданием на двадцать минут, но повар – молодец, справился. Обед был подан вовремя. Обедал Кузьма Андреевич без аппетита, похлебал немного овощного супчика, форели съел один кусочек, ложечку пюре картофельного, больше ничего не захотел. Откушал и спросил, сколько с него причитается. Наши молодцы руками замахали – "да что вы, разве можно, да вы же ничего не ели, да вы в гостях!" Но Кузьма Андреевич был строг: "Я этого не люблю. У меня правило: как вы, так и я. Как положено любому гражданину, никаких привилегий". Категорически пресек. Считали, считали, согласно меню и раскладке: суп и рыбное второе – тридцать четыре копейки. Кузьма Андреевич достал потертый кошелек, аккуратно отсчитал мелочь, директор столовой принял растроганно, как дар городу, и все кругом кивали и умилялись, счастливые свидетели скромности великого гражданина. Глаза Романа Авдеевича увлажнились. Чувство любви и гордости за кандидата переполняли его.

16

Сам Роман Авдеевич тоже был скромнен в быту. Квартиру имел в три или четыре комнаты, в точности неизвестно, никто у него не бывал. Жил в обычном-венном доме среди общего безмолвного населения. Ни машины своей, ни стереосистемы, ни собственных ковров или люстр драгоценных. Все, что было из обстановки, было не его, а государственное. И белый рояль, и картины. На всем имелись, между прочим, инвентарные номерки. Ах, да, одежда, обувь... Это он, конечно, приобретал за свой счет, как все прочие. И это было, откровенно говоря, даже как-то странно Роману Авдеевичу, потому что он считал себя человеком государственным; это означало, что говорил он, действовал от имени государства и партии. Если имел мнение, то мнение было не его, а мнение власти. И на нем все должно было принадлежать государству. Решения, замечания, требования – всё было государственное, как будто он был лишь репродуктором, вещателем. И сам он давно и твердо уверился, что все, что он делает, произносит, имеет, принадлежит не ему, а государству. Поэтому он все совершал с такой уверенностью. Лично он мог бы ошибиться, но государство и партия, от имени которых он действовал, никогда не ошибались. Только вот насчет роста...

Подойдет он к проклятому дверному косяку своего кабинета, и неподвижное лицо его дрогнет, исказится. Что делать, как быть? Надо бы закрутить гайку еще на оборот, припугнуть очередного критикана, или этого шумливого фрезеровщика – героя, который сор из избы тащит, надо бы, а получишь очередной укорот. Господи, дело-то какое получается, принципиальным-то за свой счет приходится быть. Если бы за счет кого чужого, если бы кого выслать, исключить, да ради бога, и

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru сомнения бы не было, но тут за свой собственный счет расплачиваться приходилось, своими миллиметрами, своим и без того недостаточным ростом. И остановиться, отказаться невозможно. Пробовал, но жизнь сразу теряла смысл, если не продвигаться к мечте своей, то зачем жить, спрашивается. Взойти, подняться туда, положить руки на прохладный полированный гранит мавзолея или в президиум главного зала войти из бокового входа вместе с посвященными под гром аплодисментов, чтобы зал поднялся, приветствуя, и скупой улыбнуться, слегка кивая на долгие несмолкающие. Стоя, мягко хлопать в ответ.

Власть – понятие неограниченное, в том смысле, что власть не имеет пределов, она постоянно стремится все к большему. Ведь почти у каждого человека есть какой-то шматочек власти. Власть над детьми, над несколькими подчиненными, над покупателями или больными. Казалось бы, Роман Авдеевич обладал властью немалой, и над тысячами и тысячами людей. Мог дать квартиру, ошастливать орденом, назначением, мог прославить, упомянуть, послать в загранкомандировку. Ему льстили, старались угодить, о нем писали, его боялись. Но эта власть была неполной. Стоило ему выехать за пределы области, и власть кончалась. Приезжал он в Москву и стоял в очереди в буфет наряду с другими персеками и даже вторсеками. Появлялась обыкновенность, пропадала единственность.

С точки зрения обывателя, занятого добыванием сарделек, обоев, колготок, книг, ваты, жизнь Романа Авдеевича была завидно-роскошной: никаких очередей, живи на всем готовом. Оно вроде и так. Больше того, этот обыватель, он не знал некоторых подробностей, потому что не соприкасался. И с ним Роман Авдеевич не соприкасался. И если бы даже хотел, то все равно не мог бы соприкоснуться. Никким образом. Так было все устроено, что соприкоснуться их жизни не могли. Лечился Роман Авдеевич и его домочадцы в спецполиклинике, а в этой спецполиклинике был отдельный вход, то есть подъезд для персека и вторсека. Питались они в особой столовой, где была еще особая комната. В магазины он не ходил, ни в какие магазины, даже в радиомгазины, даже в посудные. Взять, например, книги. Ему приносили списки вышедших книг, и он ставил птички против тех книг, которые ему нужны. То есть нужны не для прочтения – книг он не читал, – а нужны потому, что надо иметь. Кроме того, он их расставлял. Это он любил. Разглядывать. Знакомиться. Память у него была хорошая, так что он запоминал и автора, и название, и обложку. Или взять транспорт. Тоже никакого соприкосновения. Ездил он в отдельном купе. Позже – в отдельном салон-вагоне и спецсамолете. Отдыхал в спецсанатории. Там все было огорожено, даже пляж. И кусок моря. Товарщи на лодках дежурили, следили, чтобы посторонние купальщики не подплывали близко.

Одна знакомая автора, будучи в Крыму, ходила по горам, потом спустилась вниз к морю по какой-то козьей тропке. Вышла на пляж. Пустой. Разделась, легла на лежак. Подходит к ней сестра в белом халате – чего желаете, бор-жом, нарзан или сок какой? Она говорит – боржомчику. Принесли. Выпила. Спрашивает – сколько с меня. Вопрос этот и погубил все. Поднялся перепо-лох. Появился милиционер, и ее под белы ручки выпроводили с пляжа, да еще протокол составили.

Улицы, по которым ехал на работу Роман Авдеевич, заасфальтировали под паркет. Покрытие поддерживали в идеальном состоянии. Машина катилась не шелохнувшись, так что Роман Авдеевич мог газету читать. Впереди мчалась милицейская, завывая и сгоняя всех на край к поребрику. "Хозяин едет, – раздавалось на панелях, – хозяин в городе". Роман Авдеевичу нравилось, когда его звали хозяином. Правда, к этим фразам еще кой-чего добавляли, но об этом гаврики не сообщали. Роль гавриков в жизни персеков велика. Гаврики – это такой народ или племя, которое своего лика не имеет, никто из них не считает себя гавриком, по отдельности они не существуют и не могут существовать, как муравьи, но все вместе они окружают персека, славят его, раздувают его значение, тащат его наверх. Это их способ существования.

У всякого персека имеются гаврики, которые должны создавать авторитет, положение, значимость. Они играют на повышение своего персека. Точную границу между "должны" и "хотят" установить трудно. Взять ту же историю с трассой поездок Романа Авдеевича. Гаврики в своем рвении пытались вообще закрыть движение по улицам "следования". Выяснилось, что для этого придется строить новые мосты и объезды. Тогда закрыли проезд грузовиков. Гаврики этим не удовлетворились, шумели, шумели и сняли с "правительственной трассы" автобусы и троллейбусы. Жители попробовали жаловаться, им укоризненно сказали: вы что же, против безопасности правительства? Другие гаврики прикрыли овощной магазин в

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru доме, где жил Роман Авдеевич. Чтобы не было шума от очередей и завоза.

Колбаса, ветчина, которыми питался Роман Авдеевич, доставлялись из особого цеха мясокомбината. Костюмы ему шили в спецателье. Вход в здание обкома был у него отдельный, он имел свой лифт. Никто и никогда не видел Романа Авдеевича в трамвае, а также в кинотеатре или, допустим, в бане. Невозможно даже представить его в метро на эскалаторе, в потоке прочих пассажиров. Невольно перебираешь – где и как мог обыкновенный горожанин соприкоснуться с бытием своего персека. Нет, конечно, общее было: например, электричество или телевидение общее, вода одна и та же, что в чайнике автора, что у Романа Авдеевича в ванной. Так что какие-то вещи нас соединяли.

Сам Роман Авдеевич порой жаловался на отъединение от народа. Одна-ко, как он говорил, порядок этот был заведен не им, он являлся всего лишь жертвой установленных и утвержденных правил, которые лишали его простых человеческих радостей. Выпить с прежними друзьями не мог. С баба-ми гулять не полагалось...

Родным пришлось от дома отказать. Слишком много их объявилось, откуда-то понаехали племянники, дядя двоюродные, шурины, свояки. Слета-лись, как мухи к столу. Всех устраивать надо, некоторые сами устраивались от его имени. Хорошо Генеральному, тот строго ограничил своих родичей. Толь-ко ближайшие получали спецудостоверения, книжечки, коричневой кожей обтянутые, фотография и текст, заверенный печатью особого отдела: "предъ-явитель сего является родственником такого-то". Все остальное несущественно. Покажет книжечку, и далее не требуется качать права, грозить, намекать. Действует безотказно. Вполне достаточно, чтобы не надоедать своему родственнику. Замечательное это организационное изобретение сберегло много драгоценных часов государственного времени Главы.

Наш же дорогой Роман Авдеевич не имел таких прав. Ему пришлось отбиваться самолично, засекретить свои телефоны, запретить доступ. Он лишился родных: ни именин, ни свадеб, ни поминок. Себя показать не мог. Надо отдать должное родственникам, многие поняли, "иначе с нами вельзя", как выразился кум Романа Авдеевича, назначенный директором бани, "вам острастка нужна".

Соответствующие гаврики смотрели за персеками, кроме того персеки смотрели друг за другом ревниво. Большой Хозяин тоже следил за их толкотней, не желая нарушать равновесие. Все у него было сбалансировано. Каждый держался за другого и держал его. Чтобы не рыпался. Этим достигались сцепление, монолитность и сплоченность. Никто не падал и не передвигался. Вообще перестали шевелиться. Стабильность нужна, повторяли они, не учитывая, что Роману Авдеевичу каждый день был дорог.

17

Делегацию в город-побратим возглавил Роман Авдеевич, выучил кой-чего по-французски, поскольку побратим находился во Франции, и взял с собой гостинцы. В гости-то надо с подарками ехать. Чем их, французов, можно поразить: книги, вазы, пластинки – все не то, не поразить. Капстрана, надо что-то беспартийное дарить, и такое, чего у них нету. А чего у них нету? Референты-консультанты судили-рядили и явились с рекомендацией: поднести несколько картин. Абстрактных, из музейных запасников. То, что у нас пылится без пользы, всякие квадраты-гипотенузы. А у них там, у французов, большая мода на такую мазню. Уговорили. Вызвали директора музея. Ее недавно поставили на это место, поскольку не справилась в райкоме. Выслушала она и робко сослалась на правила, на закон, на министерство. Для Романа Авдеевича министерство не препона, тем более министерство культуры. Звонок по ВЧ, и порядок, избавимся от формалистов. Гаврики отобрали несколько холстов. Рамки не понравились Ромаву Авдеевичу – копеечные, стыдно дарить, велел подобрать золотые, резные. Но тут воспротивился главный хранитель, умоляя чуть ли не на коленях не губить картины, не нарушить волю художников.

В первый же день по приезде Роман Авдеевич вручил один гостинец на приеме в мэрии. Мэр, похоже, смутился, невозможно, такой драгоценный подарок. Французы от восторга заахали. Роман Авдеевич похлопал мэра по плечу – бери, не тушуйся, пользуйся нашей добротой. Другую картину вручил клубу промшленников, потом какой-то ассоциации. Газеты напечатали большие фотографии подаренных картин, портреты Романа Авдеевича, прав-да, подлецы-фотографы сняли его с открытым ртом,

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru да еще в рост – совсем ма-ленький рядом с мэром. Пресса писала про знаменитых русских авангарди-стов, авторов картин, оценивали картины баснословно дорого. Роман Авдеевич был доволен. Знай наших, держава на высоте!

После одного из обедов повезли его осматривать соборы. Витражи, орган, фрески, все древнее, один собор древней другого, и все уникальные. Куда-то в подземелье спустились, где вообще восьмой век, гробницы, алтари, химеры. Следующая еще древнее. Роман Авдеевич делал внимательное лицо, кивал и покачивал головой из стороны в сторону, что должно было означать: "Надо же!" Мелкие эти движения производил он машинально, сказывался навык долгого сидения в президиумах, где Роман Авдеевич освоил трудное искусство изображать внимающего. На самом деле ему не было дела до происхождения этих витражей, росписи куполов, до этих статуй, тщательно реставрированных деревянных распятий, алтарей. Прошлое его не интересовало, тем более чужое. Роман Авдеевич хвалил, удивлялся, пока ему не надоело, да еще к тому же немного развезло от вина, и он вдруг рассердился. Что это они своей стари-ной чванятся, у нас тоже, слава богу, не меньше. У нас церкви есть тоже древние, третьего века до нашей эры!

Тут даже переводчик вылупился на него, и тихонько переспрашивает: "Вы, наверное, хотели сказать – после рождества Христова".

– Я как сказал, так и переводи, – гаркнул на него Роман Авдеевич.

– Но позвольте...

– Твое дело переводить, – угрожающе повторил Роман Авдеевич. И тот перевел. Французы переглянулись, говорят: "Это удивительно. Неужели такое возможно, мы понятия не имели". Тактично сказали так, что Роман Авдеевич ничего не почувствовал кроме гордости за то, что сумел сбить с них спесь.

Вместо церквей и соборов Роман Авдеевич попросил показать ему трущобы, в которых ютятся безработные. По словам хозяев, трущобы давно уже, лет двадцать назад, ликвидированы. Безработных мало. Пусть мало, но есть ведь, настаивал Роман Авдеевич, не верил он буржуям ни на грош. Должны же быть контрасты. Повезли его в какой-то район мелких коттеджей. Цветники, ка-чалки, в аккурат дачный поселок обкомовский, который он строил у нашего озера. Понял он, что правды от них не добиться. "Знаем мы эти приемчики, – сказал он помощнику. – Сами пользуйтесь". И все же ему удалось найти. На газоне спящего оборванца. Попросил разбудить его. Заговорил с ним. Оказа-лось, что тот не работает, то есть безработный, бродяжничает, то есть бездом-ный. Роман Авдеевич обрадовался, хотел сфотографировать его, но тот почему-то не дался.

– Скажите ему, что я из Москвы, Советский Союз! – зачем-то громко, как глухому, прокричал Роман Авдеевич.

На оборванца это не произвело впечатления. Роман Авдеевичу пояснили, что он клошар, то есть убежденный бродяга, не работает потому, что не желает, и пособия не желает получать, и еще чего-то не желает, какой-то благодто-рительности...

Брехня, сказал Роман Авдеевич, и обратился к бродяге, давай, говорит, перебирайся к нам, в страну трудящихся, чего тебе здесь гнить. Бродяга зев-нул, почесал бороду, а был он весь заросший, пышный, как Карл Маркс, спрашивает: много ли народа к вам уезжает и можно ли у вас не работать? Дальнейшие их переговоры сложились не в пользу нашего персека, тем не менее он сфотографировал его рядом с собой, и снимок этот показывал на своей лекции пропагандистам.

Переводчика после этого сменили, Роман же Авдеевич укрепился в своем превосходстве и на следующем обеде произнес тост, опубликованный в газетах без всяких комментариев. Это вообще типично для Романа Авдеевича. Все, что он делал и произносил, заграничная пресса приводила, не комментируя.

Бокалы, которые наполняли добросовестные официанты, Роман Авдеевич столь же добросовестно опорожнял. Белое, красное, а также розовые вина, всю эту кислятину, он за серьезный напиток не держал.

– Позвольте поднять этот тост, – Роман Авдеевич всегда тост не произно-сил, а поднимал, – за процветание вашего города. – Тут бы ему остановиться, и все были бы

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru довольны. Но идеология не позволяла. Идеология требовала обличать проституцию, безработицу, наркоманию, кризисы... Перечисляя их беды, он расчувствовался, готов обнять был, прижать их к своей груди, научить их жить, чтобы они поняли, что сопротивление бесполезно, они исторически обречены, им не выбраться из противоречий. Никакое НАТО им не по-может. Он даже пропел куплет:

Всю Европу за три перекура

Из конца в конец пройдем мы хмуρο

И дойдем до города Чикаги

Через речки, горы и овраги.

Новый переводчик переводил без всяких купюр. Впечатление было громадное. Особенно когда он стал рекомендовать им провести коллективизацию. "Почему еще держится наш капиталистический строй?" – спросил его какой-то обозреватель. Роман Авдеевич сразу же поставил его на место: "Да потому держится, что у вас противоположные взгляды, ваша идеология обанкротилась!"

После обеда он потребовал показать ему разложение, как это все происходит. Если рассматривать события обратным ходом, то видно, как неукоснительно Роман Авдеевич приближался к невероятному происшествию, тому самому, которое будет занесено в его досье и сыграет свою роковую роль.

Заведение, куда привезли Романа Авдеевича, было дорогое и фешенебельное. Посетителей немного, каждый располагался в мягком кресле. Всего рядов десять. Полутемно. Стойка бара, за стойкой полуголая барменша, воздух пряный, пахнет вином и пороком. Сцена маленькая, уютная, задрапированная. На сцене представление идет. Обычное для таких подвальчиков: мужчина и женщина раздеваются, готовясь к любовному поединку. Затем на широкой постели начинается показательная схватка, со всеми приемами, каждый демонстрировал свою технику. Музыка, охи, зубовой скрежет. Бегущий свет вроде и усиливает, вроде и дразнит, мешая уловить самое этакое. За натуральным актом последовали вариации, то двое мужиков, то две красотки наслаждались, то появлялся треугольник – две девицы терзали одного парня.

Роман Авдеевич возбудился, при этом негодовал и поносил, и сравнивал наше общество, которое никогда не позволит подобного срама. Уйти, однако, отказывался. Он вертелся, вскакивал и все требовал, чтобы ему переводили. А что, собственно, было переводить? Чего тут непонятного? Измучил и переводчика, и провожатых французов. Это тоже сыграло свою роль. Катастрофа разразилась во время номера со знаменитой мадам Жюли. Она славилась своей находчивостью, репликами, умением вращать грудями, поднимать их кверху, как спаренные зенитные пулеметы, или наставлять на зрителей. Все ее семьдесят килограмм были распределены наиболее аппетитным образом.

Дальнейшие события излагаются на основе очерка в одной из бульварных газет, которая не постеснялась бы исказить факты, но была и другая статья в эмигрантском листке, где другой журналист позволил себе исказить факты точно таким же образом. Пользуясь этими двумя искажениями, автор примерно восстановил ход событий.

В этот вечер Жюли изображала любопытную простушку. Она как бы впервые увидела столько мужчин, к тому же уважаемых, и никак не могла сообразить, чего ради собрались здесь. Сверкая белыми зубами, она обращалась к залу с вопросами, ей отвечали со смехом, чтобы развлечь гостей, она спела им несколько куплетов, но ведь не за этим же они сюда явились. Спрыгнув со сцены, она пошла по рядам, расспрашивая, удивляясь. На ней была коротенькая юбка, высокие сапожки и больше ничего. "Бронзовое тело Жюли на фоне алых кресел соблазнительно блесло. Ее звонко шлепали по заду, пощипывали, гладили". Описание эмигранта были красочнее, и доброхоты, перечитав его очерк, послали в Москву, откуда он пошел распространяться. Итак, напевая и переговариваясь, садясь на колени, поигрывая своими прелестями, она не переставала выяснять, неужели всего этого у них нет дома? Роман Авдеевич восхищенно вскрикивал. "Ну стерва, ну дает!" – аплодировал и не чувствовал опасности.

Подойдя к ряду, где восседал Роман Авдеевич, она наметанным глазом выделила его

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru из приезжих провинциалов и немцев-туристов, как нечто экзоти-ческое. Может быть, тому способствовал его парадный черный костюм, накрахмаленная рубашка, может, некоторый испуг, когда они встретились глазами. Он вдруг забеспокоился, потребовал у переводчика, чтобы к нему она не подходила со своим похабством. Переводчик перевел это провожатым фран-цузам, те что-то сказали Жюли. Неизвестно, что они сказали, как они это сказали. В конце концов, Жюли, свободная гражданка свободной страны, могла послушаться. Или заинтересоваться. Почему это не подходит и чего, соб-ственно, боится этот господин. Он что, советский? – спросила она. Откуда-то они всегда узнают советских. Вроде бы не так уж часто имеют с ними дело, а узнают. Не исключено, что эти французы из мэрии могли сказать ей: валяй, валяй, посмотри, что у него там. Во всяком случае простушка Жюли проявила живое любопытство к советскому гостю и, громко рассуждая, как у них там, разрешают ли коммунистам заниматься этим делом и каким способом, направилась вдоль ряда к нему. Роман Авдеевич всерьез испугался. "Не допускайте ее, остановите", – шипел он. Физиономия его вспотела. Был момент, когда он хотел бежать, но Жюли успела ухватить его, обнять, прижаться к нему. Волнение Романа Авдеевича привлекло особое внимание зала. Жюли обыгрывала свою находку, расспрашивая, есть ли у них такие части, и вот такие. Если бы он воспринял это со смехом, шлепнул бы ее по задку, тиснул за грудь, все, может, и обошлось бы, но он стал вырываться от нее, кричать: "Это провокация! Я протестую!" Всеобщий интерес усилился. Такое поведение здесь было в новинку. Кассирша вышла из кассы. Жюли приговаривала: "Это же очень приятно, чего ты боишься?" "Что она говорит, – кричал Роман Авдеевич, – я официальное лицо!" – отбивался он, плюхнулся в кресло. Жюли немедленно уселась к нему на колени и стала хозяйничать над его брюками, причем с такой многоопытной ловкостью, что как Роман Авдеевич ни удерживал свое прикрытие, оно пало. Лучи прожекторов скрестились на них, высвечивая подробности сражения. Попытки Романа Авдеевича высвободиться Жюли пресекала, сбросить ее с седла было невозможно. Незнание языков позволяло каждому вести свою партию, не вступая в полемику. Усилия Жюли увенчались успехом. Роман Авдеевич кричал: "Вы не имеете права! Я буду жаловаться!" "Тем временем свершилось восстановление плоти, – как описывал эмигрант. – Подобно любому восстанию, щетны были угрозы, ни заклинания, ничто не действовало на восставшего. Коммунистическая идеология терпела поражение. И бдительность, и соображения карьеры, страхи перед последст-виями, все отступило. Глупенькая Жюли недоумевала над паникой хозяина. Она предпочитала иметь дело с более разумной его частью. Ей удалось цели-ком освободить эту милую и привычную ей часть".

Далее эмигрант в своем рвении переходит на порнографию, французский журналист вдается в размышление об Эросе, боге, соединяющем народы, о сладостном языке любви, едином для всех, не требующем переводчиков:

"Под руководством нашей очаровательной Жюли-освободительницы зал, наконец, увидел победу над партийными органами. Блеснуло несколько фотовспышек. Хозяин его был в ужасе, но Жюли нежно приветствовала борца за свою свободу и независимость".

Копии этого очерка ходили по рукам. Их изымали, делали все возможное, чтобы погасить нежелательные толки. Впоследствии в наших органах появи-лись каким-то образом добытые фотографии и положены в досье. Положены, подклеены, пришиты – автор не знает, как это у них заведено. Автор многое бы дал, чтобы ознакомиться с досье на своего героя. Без сомнения, там собраны драгоценные материалы, которые не найти ни в одном архиве. Сам Роман Авдеевич не знает про многие донесения на него и отчеты, записи. Даже в зените его славы это досье оставалось недоступны. Видел ли вообще хоть кто-то свое собственное досье? Вряд ли. Чужое еще могут показать. И то листочек-другой.

Автору известно, что и на него имеется папка. Пухлая, увесистая. Она стоит где-то на стеллаже, имеет номер, цвет. Все время туда что-то добавляют. Недошедшие письма, сведения о друзьях, о поездках, о жене, детях, и то, как он собирал материалы о персеках. Все это пронумеровано, разложено хронологически, аккуратнее, чем в собственном архиве. Целая жизнь, которая бесшумно шла по пятам: разговоры за спиной, сообщения людей, которых он считал приятелями, шелест магнитофонных лент!.. Там хранятся давно забытые случаи, встречи, его женщины, его признания и страхи, неосторожные слова, перетолкованные, подчеркнутые. Собрано все подсмотренное, подслушанное, присочиненное, и в результате сложен портрет почти незнакомый. Но как знать, может, то были блестящие жизни подлинной, загнанной в подполье, в шепот, той жизни, которую не удалось

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru прожить.

18

Тем временем в Хозяине происходили заметные перемены. Первыми это заметили аппаратные люди, гаврики высшего эшелона. Появилась путанность в мыслях. Но это было еще ничего, темную мысль, ее можно перетолковать по-нужному. Хуже, что в речах сбивчивость появилась. Забывать стал. Мог в речи одну и ту же страницу дважды зачитать. Верные люди посоветовали Роману Авдеевичу не медлить. Шутка ли, столько сил ухлопано на расположение, первый кандидат, чтобы забраться в тележку... Другие кандидаты ведь не дремали. Наговаривали на него, устроили, например, подвох в момент награждения. Было так: среди прочих нашему Роману Авдеевичу должны были орден вручать. Церемонию передавали по телевидению на всю страну. Генсек оглашал фамилии и давал ордена маршалам, генералам, затем очередь дошла до его сына, который кем-то работал, скорее всего за границей (дети начальства большей частью работали за границей). Зачитав собственную фамилию, Генеральный несколько удивился и впал в задумчивость. Довольно долго он пребывал в отключке, пока до него дошло, что это не его будут награждать. Вручил орден своему сыну. Камера нацелилась на Романа Авдеевича, чья очередь подошла. Персек наш засиял, устремился к своему Генсеку. Стал замшево-нежный, такой любящий, каким мы никогда его у себя в городе не видели. Приблизился он к Создателю всех персеков, подскользил, как по льду, что-то произнес, переливается перламутром, губы приготовил для поцелуя. Перед этим кто-то из маршалов удостоился поцелуя, и наш Роман Авдеевич тоже всем своим коротким корпусом устремился к поцелую, губы его стали вытягиваться все длиннее, длиннее, образуя хоботок, как у муравьеда. Хоботок этот дотянулся почти до самого лица первого лица, но тот оставался в неподвижности, не сделал никаких ответных перемещений. Возможно, он опять отключился, а возможно, интрига сработала. Тяжкая это была минута для Романа Авдеевича. Областной же народишко ликовал. И что поучительно, – в других регионах зрители также получили удовольствие, о чем есть данные в письмах и телефонных переговорах, что свидетельствует об ожесточении нравов и накопленных чувствах к руководителю.

Сорвался всесоюзный поцелуй. Можно считать, на всю страну произошел конфуз. Автор боялся, что Романа Авдеевича хватит сердечный удар. Но в который раз автор убеждался, что герой его великий человек, не предусмотренный никакими правилами. Нервное устройство его не имело ничего общего с устройством обыкновенного человека. Хоботок Романа Авдеевича повисел в пустоте, втянулся, а лицо стало еще более любящим и счастливым. Прямо-таки обожающим. Будто он удостоился наивысшей милости. Тут нечеловеческая сила духа требуется. Или полное его отсутствие – духа то есть.

Вскоре после награждения выяснилось, что завод, о котором Роман Авдеевич рапортовал, вовсе еще не построен и продукции не дает, только строительная площадка огорожена глухим забором. Радиопередачу даже об этом протолкнули. Роман Авдеевич огорчился, но не за себя, за Хозяина, в какое, мол, его положение ставят, некрасиво это, не человечно. На активе одна работница выступила, спросила: правда ли, что содержат специальную корову, которая обеспечивает молоком персека и его семью. На что Роман Авдеевич расхохотался: до чего дезинформация доходит, как клеветники распоясались, надо же как партию атакуют! Ни в одном глазу смущения не было. Он обладал прямо-таки потрясающей неуязвимостью. Автор полагал, что может, это от сознания безнаказанной своей власти. Но и после катастрофы Роман Авдеевич ни в чем не усомнился. Что касается несостоявшегося поцелуя, то всему окружению было заявлено, что это происки одного южного персека, козни нерусской группы. Южные люди, опекавшие Старшего на курортах, они раньше других обнаружили маразмизированне и "захватывают позиции, оттесняя нас".

К сожалению, автор плохо знает историю других персеков. Внешне они все выглядели одинаково, произносили одни и те же речи, одинаково хекали, ездили в одинаково длинных черных "чайках", имели неразличимую охрану. Когда персеков перемещали из одного города в другой, обывателю лучше не становилось.

В тот год кто-то из самых ветхих членов Верхотуры "ушел в стену", как выражались гаврики, место в "тележке" освободилось, и толкотня вокруг нее усилилась. Все старались пробиться, успеть что-то получить, захватить, утвердить. Метались,

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru подсовывали бумаги, упрасивали, умоляли, чтоб вырвать последние блага. Отпихивали друг друга, ставили подножки, нашептывали, обещали, везли подарки, заключали соглашения, мелькали рога и хвосты, пахло серой, бесовская карусель вертелась все быстрее. Кто-то, вышвырнутый на обочину, застрелился, с кем-то произошла автомобильная катастрофа, с другим инфаркт. Игра пошла по-крупному.

Патриарху пора было на покой, но его крепко держали гаврики всех мастей: и персеки, и министры, и помощники, и референты, и советники, – вся великая рать начальников не желала отпускать его. Их не смущало, что он уже плохо соображал, плохо двигался, они боялись перемен и готовы были без конца поддерживать полужизнь Вождя. По-своему они любили это мычащее, с трудом ходящее тело. Им нужно было, чтобы оно продолжало существовать. Пока он был кое-как жив – они жили, дивно жили, полнокровно жили...

Ему ставили стимуляторы, непрерывно лечили, заменяли органы. В одном соседнем государстве Глава таким образом прожил больше года. Лежал, ды-шал, мычал. Сердце билось – считался живой. В отставку не подавал – считался Главой. А раз Главой, значит, все остаются на своих местах. И у нас хотели достигнуть такого положения. К тому же наш еще двигался, мог ходить.

Южные и восточные персеки наперебой зазывали Патриарха к себе. Каждый рассчитывал, что если удастся заполучить, то во время визита, в раз-мягченном состоянии можно будет договориться.

Для визита нужен был предлог. Нечто основательное, непреложное, требующее приезда Самого именно в наш город. Мобилизовали местных краеведов, ученых всех направлений, чтобы искали круглую дату основания, открытия – что-нибудь этакое инициативное, мирового замаха. Роман Авдеевич имел ум дальнзоркий, вообще мозг его работал непрерывно. И вот однажды находят ему среди старых проектов царских времен проект возведе-ния Великой Защитной Стены, должной заслонить город от постоянных северных ветров. По расчетам, такая стена обеспечивала городу постоянный теплый климат. Экономия только на топливе дала бы десятки миллионов рублей. Проект царем Александром Третьим был отдан на экспертизу изве-стному немецкому академику Куперману, затем Петербургскому академику Фокину и забракован ими обоими, как безумный. Рукою его величества было начертано "Curieus!", что Роману Авдеевичу перевели как "любопытно" – Роман Авдеевич велел не отвергать с ходу, а подсчитать, прикинуть. Строительство получалось грандиозное. Ничего подобного в Европе не было. Это могло выглядеть почище великих строек коммунизма, если подать с толком. Выгоду, тоже при умелом подсчете, удалось увеличить. Эшелоны сбереженного угля, плюс окон не надо заклеивать, шубы не нужны, насморк и грипп исчезнут, следовательно, выход на работу возрастет. Уборка снега отпадает. Сохранность крыш обеспечена. Травмы зимние долой. Ежегодно тысячи людей не ломают руки-ноги на обледенелых улицах – неисчислимый эффект получался! Защитное сооружение окупало себя за какие-нибудь три-четыре года, а дальше наступал сплошной доход и благополучие. Призваны были все средства информации. По телевидению показывали страшные действия северных ветров, обморожение, заносы, красивые многоцветные проекты сооружения. Нашлись, как водится, противники. Скептики уверяли, что город обходился триста лет без Стены и обойдется. Экономисты доказывали, что лучше строить больницы, жилье, дома престарелых, библиотеки, овощехранилища, гостиницы. Всерьез нельзя было принимать такие рассуждения. Не пригласишь же на закладку дома престарелых Первого человека. Не тот повод. Да и какая в этом слава городу. Другое дело Стена, сооружение уникальное, единственное, которое может прославить страну. Хуже было, что взбудоражились некоторые специалисты, они доказывали, что ветры нужны, без них город задыхаться будет от заводских выбросов. Сколько их ни угovarивали, как ни взывали к патриотизму, они твердили свое. Форменные фанатики. До того дошли, что отправились в Москву протестовать. Их, конечно, вернули назад, кое-кого поместили в психбольницу, со всеми ихними таблицами и диаграммами. Кто признал свои ошибки, тех вскоре отпустили, других пришлось лечить.

На каком-то совещании по Стене вдруг к Роману Авдеевичу пробился один профессор и стал криком кричать о губительности проекта. Сыпал словечка-ми – турбулентность, ламинарность, волюнтаризм; упрекал в том, что не было объективной экспертизы, грамотного моделирования. Как он проник на совещание, неизвестно. Если бы речь шла только про аэродинамику, на него можно было спустить специалистов, они уже рвались со всех сторон. Но профессор выставил и экологию и экономику, поставил под сомнение не разме-ры Стены, а ее

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru необходимость. Утверждал, что от Стены город задохнется, и ссылался на расчеты свои и иностранных коллег, с которыми он, оказыва-ется, консультировался. Был он длиннющий, носатый, склонялся над Рома-ном Авдеевичем, как цапля. Нужно было его проучить, чтобы другим не повадно было. Роман Авдеевич зашел с тыла, не там, где ожидал профессор. Наша партия, сказал он, живет коллективным разумом, чем же аэродинамика лучше нашей партии. Время одиночек в науке кончилось, все делают коллек-тивы. Только им под силу решать комплексные задачи. Напрасно профессор так много берет на себя, позволяет столь пренебрежительно отзываться о за-ключении коллектива специалистов. Говорят, что профессор ведущий ученый, заслуженный. Может быть. Но ученых незаменимых сегодня нет. Надо будет, поставим еще десять, двадцать специалистов и заменим. Профессор настаивает на своей объективности? Спрашивается, кому нужна такая объективность, если она непатриотична и демобилизует.

– Спорить нам не о чем, – сказал Роман Авдеевич в заключение. – Мы находимся с вами на разных идейных позициях.

Профессор аж захлебнулся от возражений и сник. Тогда плюрализма не существовало, иметь другие идейные позиции, чем персек, было слишком опасно.

Вскоре профессора вывели из Ученого Совета, лишили кафедры, и он уехал за границу, к тому же в США. Так что Роман Авдеевич как в воду гля-дел, распознав его непатриотичность.

Ясно, что профессору не надо было предъявлять свое мнение. Тем более, что никто его об этом не просил. Типичная привычка интеллигентов, им лишь бы поправлять власть. Только успокоишь народ – поверят, как появляются опровергатели. Кто такие? Интеллигенты. Это их главное занятие. Учи-теля просили исторический журнал открыть. Журналисты настаивали свою газету издавать. Молодежь – еженедельник для молодой семьи. Всем было отказано: нет бумаги, ждите. Тем самым вопрос сняли, успокоили общественность. Так нет, нашлись голубчики, раздобыли цифры, кому на какие ненужные новые издания отпускают бумагу, и поднялась буча.

Выступая перед аппаратом, Роман Авдеевич развивал свою идею о том, что раньше были кулаки, недобитое дворянство, нэпманы, теперь вместо них – интеллигенты, так же враждебные к власти. Сколько власть ни делает для интеллигенции – не помогает. Она по природе своей – враждебна. Наша главная опасность – интеллигенция. Она мешает управлять страной. Это у них в крови. Расплодилось ее слишком много. Интеллигент – это не профессия, а отношение к власти. Есть ученые, врачи, даже писатели, которые твердо на наших позициях. Остальные не заслуживают доверия. Как тот профессор-аэродинамик. Уехал, и пусть катится. Всю эту публику следовало бы продавать капиталистам за валюту.

Интеллигенты возмущали его всем своим обликом, манерами, всей внешностью своей. Одет бедно, кажется затряханный горю, из простого народа, и все равно просвечивает – не наш. Помалкивает – и то иначе. Улыбочка у него виноватая, а обязательно с намеком. Морщится, слушая персека, ударения не нравятся. От матерщины тоже кривится. Роман Авдеевич любил нарочно при них выразиться по-народному, ни женщин, никого не стеснялся.

Интеллигент, он пальто готов подать какой-нибудь библиотекарше, он пробирается меж рядов обязательно лицом к сидящим и все извиняется, а не извиняется, что задницей к президиуму, нет. И то и дело "ради бога", "извините, если не вовремя", "вас беспокоит такой-то". Он чуял их безошибочно по раздражению, которое поднималось в нем.

Слава богу, наверху его поддерживали, может, и не так уж гласно, как хотелось бы, но не препятствовали. "Давить их всех, – требовал он, – не надо нам этой шатии, пусть в столицу переселяются. Или туда-то". Благодаря его настойчивости в городе среди начальства не осталось никого из заподозренных в интеллигентности. В столичных инстанциях он тоже избегал интеллигентных. Интеллигент, он стесняется, свой же человек запросто даст понять, что ему дочь надо устроить в Институт, другому – родных прописать, квартиру отремонтировать, у каждого в чем-то нужда, поэтому он готов помочь с фонда-ми, механизмами, штатами. С такими людьми все идет от сердца к сердцу.

В нашем дорогом Романа Авдеевиче столичные люди видели Претендента. Он нравился. На его знамени были написано: твердость, строгость, порядок! Знамя стояло в

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru чехле, но слова эти были начертаны на его гладком лице, в его пристальном взгляде. Каждый претендент имел своих людей. Роман Авдеевич предпочитал "крутых ребят". Число его людей росло. Их ждали хорошие должности, возможность употребить власть. Пока что они помогали обеспечить ему Стену. Великая цель рождает великую энергию. Заслуга Романа Авдеевича тут бесспорна. Если бы не его настойчивость, остался бы город без Стены. Ему удалось добиться утверждения у Самого, и город обрел Великую стройку.

19

С завистью смотрел Роман Авдеевич телевизионную передачу о визите Геронтосека в одну из южных республик. Кавалькада машин двигалась в пестром людском коридоре. Весь город был наряжен в национальные костюмы. На перекрестках, на площадях шли народные пляски. Всюду стояли столы с фруктами, винами. И ликование, километр за километром сплошные шеренги ликующих лиц. Арки, увитые цветами. Оркестры, халаты, флажки, бубны... С балконов свисали шелковые полотнища с портретом "корифея" нашего века, как назвал его местный персек. Такого южного изобилия мы выставить не могли. Еще сложнее было с подарками. Тамшний персек расстелил ковер неслыханной ручной работы, на ковер поставил наборный столик, инкрустированный бог знает чем, на столик золотой кинжал, усыпанный бриллиантами. Все это в дар. Поди-ка переплюнь. А переплюнуть надо было.

Был момент, когда Генеральный смутился, поморщился от перебора лести и даров. Гримасу эту Роман Авдеевич отметил и вместо роскоши во главу угла поставил "надежность пролетарской любви".

У нас горожане стояли не шеренгами, а кучно, с портретами. Покровитель двигался от одной толпы к другой. Машина останавливалась, и горожане выкрикивали заготовленные приветствия. Покровитель стоял в открытой машине, тоже что-то произносил, и в ответ гремело искреннее "ура!", "спасибо!". Иногда он что-то спрашивал, ему отвечали. То есть происходил процесс общения, был непосредственный контакт. Люди оставались на площадях среди цветочных клумб, потрясенные простотой и доступностью вождя. Кортёж удалялся, клумбы грузили, везли вперед на следующую площадь. Вместе с ними, в обгон, машина с сотрудниками, одетыми в рабочие спецовки, комбинезоны. Передвижная волна народного признания катилась вперед колонны без всяких сбоев, недаром энтузиазм репетировали и корректировали несколько раз.

На стройплощадке, обставленной клумбами, состоялся митинг. Взобрался на трибуну Правитель не мог, он устал. Подняли его на руках. Горожане наши, народ добрый, сердечный, стали жалеть старика – хлопали ему изо всех сил, руками махали. Видимо, ощутив это сочувствие толпы, он заплакал и сказал, что хочет на покой, побыть с внуками. Народ заволновался, женщины зарыдали, но ему подали листки с речью, и он успокоился, прочел ее. Грянули оркестры, молодцы в синих комбинезонах как бы по команде предводителя положили на землю камень, старик никелированным мастерком постучал по нему, взметнулся фейерверк, запел хор. Роман Авдеевич подошел к микро-фону и сказал прочувственно о сооружении, которое будет стоять века и носить имя своего Основателя. Голос его дрожал, глаза увлажнились, он тоже проникся величием этой минуты, потому что видел он перед собой не эту рыхлую развалину, а того Великого Генсека, о котором приходилось помалкивать, того единственного, которому он поклонялся, портреты и бюсты которого запретил уничтожать.

По указанию Романа Авдеевича, в запаснике Музея отвели особый зал, где плотно друг к другу стояли рядами бюсты Того, за ними фигуры Его, накрытые полотнищами целлофана. Сквозь тусклую пленку просвечивали гипсово-белые, розового гранита, обожженного дерева, мраморные, бронзовые, керамические изображения Отца Народов. Стены были завешаны его портретами, их были сотни, Генералиссимусов в мундирах, в шинелях, во френчах, они сидели, приветствовали, сосали трубку, рассматривали планы, карты. Все были написаны заслуженными, народными, академиками, ныне известными и ныне безвестными лауреатами, написанные в серебристой гамме, крупными мазками, мелкими, остро, мягко, сочно, сдержанно, но всегда с трепетным желанием проникнуть в непостижимость гения...

Иногда Роман Авдеевич приезжал сюда.

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Надо заметить, что чувство к Истинному Вождю народов продолжало жить в душе Романа Авдеевича независимо от официального курса. Он преклонялся перед его беспощадностью, умением расправляться со своими врагами, перед его коварством... Так что автор был неточен, когда говорил, что персек не бывал в музее. Бывал. Правда, только в этом зале, но бывал. Ходил под суровым взглядом столикого вождя. Шеренги стояли наготове, резерв главного командования. В этой своей тайной любви Роман Авдеевич никогда не признавался, но были минуты, когда в образе нынешнего Генсека возникал перед ним тот Первый Генсек, незабвенный Учитель, создатель всеобщего страха...

В заключение Роман Авдеевич преподнес макет Стены, сложенной из драгоценных минералов, с барельефом Основателя. Макет понравился, Роман Авдеевич был обнят и поцелован.

20

На стройке Стены потребовались специальные краны и бетоноукладчики. Изготавливала их японская фирма. Валютные фонды к тому времени были полностью исчерпаны. "Да мы соберем, – заверили гаврики, – народ откликнется. Все отдадим. Народ у нас щедрый! Миллион? Миллион соберем, вы только разрешите". – "Дурни вы, – отвечал им Роман Авдеевич, – ваш миллион неконвертируемый, зачем он японцам". Гаврики и сами это знали, но им, ревнителям, надо было показать себя. "А что у нас конвертируемо, – спрашивали они, – мы все отдадим, хоть жен, хоть дачи". – "Жены ваши тоже не конвертируемы, – говорил Роман Авдеевич, – и дачи ваши со всеми вашими привилегиями". – "А озеро наше, – предложил мэр. – Давайте озеро загоним не пожалеем. Он был у нас отчаянный, совершенно рискованный человек. "Или белые ночи". "Белые ночи конвертируемы, – сказал Роман Авдеевич – только скандал поднимется". "А на что нам белые ночи, у всех чер-ные и у нас будут черные", – разошелся мэр. "Не знаю, не знаю, все же достопримечательность, – сомневался Роман Авдеевич, – кроме того, может, белые ночи в ведении Интуриста. Или Совмина?" Практически же в процессе обсуждения у Романа Авдеевича возникла идея. Осенило его. Вспомнилась его поездка в город-побратим, подаренные картины. А что если продать картины из музейных, те, что в запасниках? Судя по всему, это даст немалые суммы. Эксперты действительно оценили картины в запасниках достаточно высоко. Гаврики бурно поддержали идею Персека. Комиссия отобрала для продажи ряд картин, уладила вопрос с министром культуры, благо тот был уже приучен. Он даже несколько раз раздражался, в смысле, когда наконец покончено будет с этими картинами, то есть давайте, ребята, загоните их полностью. Он и сам бы продал их, да неудобно, поскольку министр культуры, беспокойства же от них много, то и дело донимали его – почему не выставляете, прячете от народа...

В Японию послали нашего мэра. Продав картины, он закупил нужные механизмы, заодно купил себе машину "тойота" и привез контейнер с по-дарками – стереосистемы, персональные компьютеры, мебель. Пошли слухи, что дело тут нечисто. Поступили претензии от строителей. Подъемник прибыл без запчастей. На них мэр сэкономил. Бетоноукладчик оказался не той марки. Зато "тойота" ходила безупречно. Спустя полгода фирма, с которой имел дело мэр, попала под суд. На процессе выяснилось, что фирма дала взятку мэру. Об этом писали японские газеты. Наш мэр в интервью опроверг "домыслы буржуазной печати".

Начальник строительства и другие начальники выступили по телевидению в защиту мэра, против клеветников. Обыватель, между тем, узнав, что пишет японская пресса, стал доказывать, что мэр брал взятки не только у капитали-стов, но и у своих горожан. Брал за квартиры, за дачные участки. Поднялся шум, скандал быстро разрастался. Нашлись люди, которые, забыв "про чув-ство чести и долга", как выразился Роман Авдеевич, "апеллировали к нашим врагам", то есть передали сведения западным корреспондентам. Те подхвати-ли, "раздули сенсацию". Роман Авдеевич не собирался уступить мэра крику-нам и клеветникам. Нельзя было допустить, чтобы весь "этот элемент" по-чувствовал свою силу и "раскачал стихию". Он приказал принять самые жесткие меры. Народу только покажи свободу, и пойдет-посыпется. Особо ретивым очернителям давали по пятнадцать суток, чтобы успокоились. Отшу-мят, тогда потихоньку разберемся со всеми заявлениями.

Пришлось, правда, собрать пресс-конференцию. Поступило такое указа-ние. Чтобы погасить страсти. Вел ее сам Роман Авдеевич. На ней мэр заявил, что машину "тойота" он приобрел для Общества автолюбителей, что касается механизмов, то

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru благодаря им стройка не остановилась. Роман Авдеевич ска-зал, что надо было идти на жертвы. Кстати, "мы доказали, как можно наше искусство поставить на службу социализму. Это для искусства почетная роль".

Французская журналистка спросила, разумно ли так транжирить нацио-нальные сокровища, не осудят ли их за это потомки. На этот неприятный вопрос Роман Авдеевич кивнул как бы согласно.

– Мы ведь их продали временно.

Все корреспонденты заудивлялись.

– Очень просто, – сказал он и улыбнулся миролюбиво, редко можно было видеть на гладко-натянutom лице Романа Авдеевича такую улыбку.– Все нам вернется, не беспокойтесь. После победы мирового социализма. Так что никто не осудит.

После этой конференции Романа Авдеевича называли "ястребом", чем он гордился.

Сведения о взятках мэру продолжали поступать в Москву. Отчаянные молодые следователи выявили только что отстроенный дом, который был весь распродан. Мэр не являлся ни на какие допросы, продолжал работать как ни в чем не бывало. Проводил совещания, принимал делегации давал указания, вручал награды.

Веселый толстяк, подвижный, шумливый, он заявил, что снова собирается в Японию налаживать отношения с другими, более солидными фирмами. Психологию этого человека, секрет его неуязвимости автор так и не сумел раскрыть. Ни одна версия не подходила. Допустим, человек привык к все-дозволенности, но все же если его публично называют жуликом, хапугой, должен возмутиться, оскорбиться или должен смутиться, устыдиться, подать в отставку. Ни того, ни другого не происходило. Как будто его нельзя было ничем оскорбить. Ничего не доходило до него. Единственный раз он возму-тился, когда один из выступавших назвал его игнорантом. "Вот за это отве-тишь! – загремел он. – Кто из нас кто, мы еще разберемся!"

В те времена история с мэром не была исключением. Сановники, ули-ченные в бесчестных сделках, продолжали служить, не снисходя даже до оправданий. Степень их защищенности поражала. То была, по сути, социаль-ная защищенность целого слоя. Выведена была порода людей, нечувствитель-ных к укорам чести и достоинства. Мэр наш являл собою наиболее полно-ценный экземпляр этой породы. Став героем почти международного скандала, он все так же наслаждался жизнью и своим положением. Не беспокоился, ни о чем не хлопотал, знал, что в обиду его не дадут. Он не был ни чиновником, ни чиновником, скорее он был чиновпользователем. Пользовался он своей должностью всласть. По-прежнему собирал подчиненных в своем огромном дворцовом кабинете, вельможно шутил, произносил тосты на приемах, ни-сколько не заботясь, о чем шушукуются за его спиной. Как он был начальни-ком, так и будет. Им положено шушукаться, ему командовать. Не здесь, так где-нибудь послом, начальником управления, директором издательства. Най-дут чем. Он жил в счастливом убеждении, что о нем позаботятся. Его ма-тушка – Система – не отринет своего сына, каким бы непутевым он ни был.

В праздники он укатил на охоту. Три дня пировали с женским ансамблем, плясали, стреляли, парились в сауне, и пили. За это жучили, но ведь праздник, в праздник и у воробья пиво.

На обратном пути у шофера он отнял руль и помчал. При обгоне врезался в самосвал, да так, что мгновенно, охнуть не успев, очутился в том мире, где нет дорожных правил и заграничных фирм.

Безвременный его уход разом снимал все деликатные проблемы. Крепко он выручил Романа Авдеевича. Все устроилось как нельзя лучше. Словно бы кто-то постарался. За это мэр получил пышные похороны, трогательные слова прощания. Его именем назвали районную библиотеку, в которой он никогда не был, так как не был ни в одной библиотеке, назвали и проспект.

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Последующие события происходили за горизонтом видимости автора. Проникнуть в жизнь высших властей автор не в состоянии. Что там творится, как они там существуют, действуют, этого из провинции не увидеть и не узнать.

Недавний разговор со столичным историком отчасти избавил автора от провинциального комплекса.

– Думаете, мы в столице осведомлены? Ни черта мы не знаем. Слухов полно, а сведений нет. Как сказал один поэт, все это похоже на драку бульдогов под ковром в темной комнате. Время от времени выкидывают оттуда нового пенсионера, вот и все каши сведения.

Конечно, автор понимает, что поэт использовал художественный образ, даже гиперболу, наверное разрешенную в поэзии. Образ этот, однако, часто вспоминается автору, особенно при описании того, что происходило в дальнейшем, когда достоверных сведений поступало все меньше.

Известно было, что шансы Романа Авдеевича после закладки Стены резко подскочили. Рост его тоже заметно сократился. Теперь это был уже не рост, а росточек. Пришлось еще поднять каблуки, сделать толще подошву.

Однажды утром Роман Авдеевич стоял перед зеркалом, прилаживая галстук. Сзади подошла жена, которую он давно перестал замечать, подошла и вдруг погладила его. Лицо ее выражало что-то вроде жалости.

Этого еще не доставало. Он собирался было поставить ее на место и тут заметил в зеркале, что она выше его. Такого не могло быть. Когда они познакомились, она была ниже его. Это ему и понравилось. Что же она – растет? Вдруг до него дошло, что дело не в ней. Он побагровел, закричал на нее за неприлично пышную прическу, за безобразно высокие каблуки. Она ничего не могла понять, она уверяла, что прическа обыкновенная, что она всегда на таких каблуках ходит. Роман Авдеевич топал ножкой, ярился: "Порнография! – кричал он. – Ты что себе позволяешь! Ты кто такая, тебе доверено!" Обычно смиренная жена тут взбунтовалась, зарыдала, ни за что не желая менять прическу, не соглашалась на низкий каблук: "При моем росте мне нельзя! – твердила она – ты тоже..." – и посмотрела на него так, как никогда не позволяла себе, как бы прозрев.

Она, конечно, поделилась со своими подругами, откуда и расползлось. Через семейную брешь и доходят до нас основные сведения о великих людях. Наибольшая утечка идет через жен. Любя или не любя, они все равно выбалтывают внебрачные тайны. "И увидел он, что она увидела это, и понял, что это плохо", – было бы сказано в Библии, если бы история сия была бы достойна этой бессмертной книги.

В другие времена Роман Авдеевич нашел бы, как поступить с этой женщиной, но сейчас ему нельзя было совершать резкие поступки, если он хочет взойти, он должен безупречно соблюдать брачный союз.

Может быть, это также заставило Романа Авдеевича предпринять еще более отчаянные усилия. Иногда какие-то бытовые обстоятельства, какой-нибудь прыщ или разбитая чашка...

Буквально в последний момент он изловчился оттолкнуть южного персека, одного, другого, и вскочить в тележку. Какой-то он сумел предъявить козырь. Что это было, неизвестно. Разные ходили слухи. Говорили, что он рухнул на колени перед Патроном и поведал ему про свой укорот. Только введение его в состав сможет спасти его от порчи, которую напускают враги. Говорили, что он сыграл на засилии инородцев. В критические минуты у Романа Авдеевича появлялась сила убедительности и буквально вирусная способность проникать сквозь все преграды.

Как бы то ни было, назначение состоялось, он взшел и отбыл в столицу. Перед отъездом Роман Авдеевич собрал композиторов, поэтов и предложил написать песни про Стену. "Хорошая песня была бы лучшим подарком мне и коллективу строителей", – сказал он прочувственно. И что интересно – написали песню, сделали рок-оперу, поставили фильм.

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdanie1.ru

Стройка Стены тем временем развернулась вовсю. Начальство старалось, считая, что это любимое детище Романа Авдеевича. Остальные городские строительства заморозили, все материалы шли на Стену, все механизмы, машины, кабель, бензин – все посылали к "Стене Романовне", так прозвали ее городские остряки.

Бригады бетонщиков соревновались, и бригада Козодоева поставила чуть ли не европейский рекорд. Вскоре в том районе, где возвели первый участок Стены, ветры действительно стихли, но в неподвижно сыром воздухе повисли дымы и газы. Туман не рассеивался. На самом деле это был смог, однако его запретили так называть. Население ближних улиц стало задыхаться, дома чернели, покрывались копотью, все происходило так, как предсказал проклятый немец Куперман. Серый плотный чад заполнил дворы, переулки, улицы; фонари горели и днем, машины шли с включенными фарами. Обывателям разъяснили, что это трудности переходного этапа, все изменится, когда Стена будет выстроена полностью, достигнет проектной отметки...

Время от времени из столицы звонил Роман Авдеевич, справлялся. Ему докладывали, что все идет отлично. "А чего же жалобы идут?" – спрашивал он. Его успокаивали, что это реакционеры-консерваторы. Ну, тогда лады, соглашался он одобрительно, ибо, как все большие начальники, жаждал ду-шевного покоя, покой ему нужен был для созревания новых замыслов.

Он действительно добросовестно готовился. Один из наших гавриков рассказывал, как однажды в Москве был вызван к нему вечером, его провели в апартаменты, оставили ждать. Любопытствуя, он заглянул в одну из комнат, увидел посреди трибуну, обыкновенную трибуну, на ней стоял на скамеечке Роман Авдеевич и произносил речь, глядя перед собой в трюмо. "Надо укрепить!.. Придется навести порядок!" – выкрикивал он, поднимая руку вбок, вверх, то под одним углом, то под другим. Гаврик тихонько попятился, вернул-ся в прихожую и долго никому не говорил о виденном.

Столичный историк, о котором уже шла речь, выступая в нашей лектории, обмолвился, что Роман Авдеевич вполне мог стать Правителем, получить главную должность, дело, мол, шло к этому. Историк был человек осведомленный, и замечание его вызвало волнение в аудитории.

– Господи, спаси и помилуй, – громко сказал кто-то. – Как страшный сон.

Автор со страхом представил себе, как морок, висевший над нашим городом, распространился бы по всему отечеству, погрузив его во мрак и без-надежность.

Было это, естественно, уже после катастрофы. До этого виды у Романа Авдеевича росли. Он там, в Москве, быстро обжился, весь с головой ушел в ихние козни, передвижки, кто кого, кто с кем, кто чей человек.

Потом, как известно, нас постигла "невозместимая потеря". Как ни старались гальванизаторы и реаниматоры, как ни тянули, наступил горестный миг, пришлось распрощаться с Кормильцем, отпустить его в мир иной. А жаль было, очень уж удобен был, и оказалось, многих разных деятелей устраивало его уже бессловесное и бесчувственное существование. Начальники во всех городах и весях искренне горевали. Роман Авдеевич от души рыдал на похоронах. Отрыдав, ринулся в бой. Дорога на самую вершину к месту вождя открылась прямая, короткая.

Обыватель, как всегда, больше заботится о себе, чем о руководителях. Обыватель, он и есть обыватель, в потере Руководителя он прежде всего увидел надежду, что строительство Стены, может, затормозят, а то дышать совсем неумоготу стало. Народ до того довели, что на доске почета под портретом знатного бетонщика Козодоева кто-то приписал: "Удушитель ты наш!" Выпад этот страшно расстроил Козодоева, ночью он со своей бригадой и кирками и ломом стал прорубать отверстия в Стене. Его схватили, куда-то увезли, обыватель же, учуяв, что из отверстия хоть как-то продувало, принялся энергично расширять дыру.

Стройка, тем не менее, продолжалась. Население ждало, не последует ли какого разоблачения от нового начальства. Обыватель у нас половину жизни своей ждет, когда снимут начальство, разоблачат и последует перемена к лучшему. Наконец, начальство снимают, перемены происходят, но все остается по-прежнему, и снова народ ждет. Еще когда Романа Авдеевича забрали в столицу, некоторые возрадовались. Послабления, однако, не произошло. Новые персеки и секи ежедневно

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru звонили в столицу получать указания, показывая, как без Романа Авдеевича плохо. Если не звонили, то звонил сам Роман Авдеевич, сверял, чтобы курс и направление не расходились.

Бедствия от Стены усиливались, само начальство дышало с трудом. Какие-то лиловые грибы стали расти на крышах, появились насекомые, не известные энтомологам, они селились на балконах и по ночам завывали. Решено было наряду с возведением производить прорубку ворот для продува. Это потребовало дополнительных ассигнований, которые помог выхлопотать Роман Авдеевич. Так что его заслуга тут несомненна. Академик Сургучев предложил было совсем прекратить возведение, но это было наивно, ему резонно возразили, что затрачено на стену уже триста миллионов, куда ж их списать, осталось достроить на каких-нибудь двести миллионов, так что лучше завершить стройку. А уж затем решать дальнейшую судьбу.

23

Что там наверху творилось, какие схватки вели сплоченные единомышленники – неизвестно. Столичный лектор, человек причастный, понятия не имел, сказал, что вряд ли при нашей жизни откроется. Никто не ждал, не га-дал, когда в один прекрасный, воистину исторический день, нам выкинули, согласно метафоре поэта, "из-под ковра" нашего дорогого Романа Авдеевича в виде "пенсионера" "по состоянию здоровья", на которое он никогда не жаловался. Каким приемом удалось подшибить нашего претендента, на чем он поскользнулся автору не удалось выяснить. В городе никто не знал, ни в одном здании, похоже, не имели сведений. Впрочем, это никого, кроме автора, не интересовало. Город возликовал, взорвался радостью. Со времен Победы не было у нас такого праздника. Без всяких призывов люди высыпали на улицу, поздравляли друг друга, обнимались. На площади играл оркестр. Люди дарили прохожим цветы, угощали пивом. Из других городов звонили, поздравляли, от нас звонили в столицу. Наверно, так веселились и радовались французы, разрушив Бастилию. Откуда-то стали появляться исключенные, выгнанные с работы, бежавшие из города, мы не представляли себе, сколько их накопилось.

Глядя на этих людей, автор вспоминал, как годами они на всяких собрани-ях и заседаниях дружно аплодировали Роману Авдеевичу, приветствовали его без всякого понукания. Писать историю своего времени трудно. Автор на своей шкуре убедился, в каком жалком положении находится историк. Вот пишет он, допустим, историю Романа Авдеевича, и в самый пиковый момент гаснет свет, тьма и неизвестность прерывают биографию героя. Только что он был на вершине власти и славы, и вдруг мы видим его в шлепанцах, зауряд-ным обывателем, даже неблагонадежным, состоящим под присмотром. Можно сказать, упал на дно жизни, волшебная перемена судьбы. Так, по крайней мере, полагал народ, и поэтому пуще веселился: пусть похлебают наших щей, пусть потискается в автобусе...

Спустя тридцать лет историк, конечно, проникнет, однако к тому времени людей, которых это волнует, не останется, такие вот порядки в нашей истории.

Через месяц известили, что Роман Авдеевич к нам в город не собирается, и любезным согражданам спрашивать ни о чем не придется. Живет он в дач-ном поселке под столицей, на своей даче. То есть не на своей, а на казенной, трехэтажной, благоустроенной, поскольку есть в ней бильярд, сауна с бассей-ном, кинозал, бар и прочие необходимые удобства. В этом поселке целое лежбище выпавших в осадок. Областные персеки и республиканские, никто из них не возвращается в свои города. Наоборот, сбегает сюда, в столицу, подаль-ше от благодарных сограждан, для которых не щадили себя. Все они персональные пенсионеры, перпенсы – как зовут их домашние. У всех папки, набитые газетными вырезками с их фотографиями, докладами. Крепкие, зычные мужики, увенчанные золотыми звездами, орденами, они живут, не тужат.

Недавно в музей города, на имя автора пришла бандероль с двухтомником избранных статей и выступлений Романа Авдеевича. Вишневой кожи пере-плет, финская бумага, под портретом дарственная надпись зелеными чернилами "Городу революционных традиций на добрую память о совместной работе" и красивейшая подпись.

Некоторые молодые сотрудники музея предлагали выставить этот дар. Не разрешили. Начальство все портреты Романа Авдеевича приказало не списывать, не актировать, а тщательно перенести в запасники, в ту залу к Вождю, где так любил

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru прогуливаться персек.

Народишко хоть и радовался отставке и надеялся, что Романа Авдеевича привлекут за Стену к ответу, все же откровенничать избегал. На вопросы автора мычали, вздыхали, "чего там вспоминать, всякое бывало". Поживем-увидим; не угадывай в три дня, угадывай в три года; скааал бы словечко, да волк недалечко; и вообще промеж двери пальца не клади. Автор по своей наивности горячился, настаивал, подбадривал, – заверял не понимая, что у нас историк, особенно летописец, должен стараться жить долго и незаметно, тогда он хоть что-нибудь узнает про свое время. Автор суетился, дергался, полагая, что вот теперь-то, после отставки Романа Авдеевича, откроются все подвалы, вместо этого однажды раздался междугородный звонок. Ласковый голос сообщил, что будет говорить сам Роман Авдеевич собственной персоной. Надо признаться, что автор видел Романа Авдеевича только в президиумах, на трибуне, лично знаком не был, не имел такой возможности, то есть находился в положении обыкновенного населения. Немудрено, что звонок этот ошеломил автора, тем более, что Роман Авдеевич после нескольких слов вдруг спросил, как движется работа над книгой о нем. Автор пришел в полное смущение, спросил, откуда, мол, известно, Роман Авдеевич засмеялся – на том, как говорится, стоим, такая у нас служба, чтобы все знать. Пишем потихоньку, сказал автор. Роман Авдеевич одобрил, дело полезное, для молодежи особенно нужны достойные примеры. "Чего ж ко мне не обратился, – спросил он, легко перейдя на ты, – как же писать, не пообщавшись со своим героем?" Автор забормотал, что не осмелился беспокоить, но Роман Авдеевич прервал его, отечески пожурил и пригласил приехать к нему в Подмоскovie, привезти рукопись, ознакомиться; неважно, что не кончена, неважно, что черновик, внесем поправочки, уточним, посоветуем и в дальнейшем поспособствуем. Автор мямлил, отнекивался, ссылаясь на здоровье. Человек воспитанный, добрый, он не умел отказывать наотрез, а тут еще Роман Авдеевич заострил голос – не покойник же он, рано списываете, боишься к опальному ехать, не бойсь, и сделал намек, не то чтобы угрожающий, скорее предупредительный, как будто ножичком поиграл. Так что давай, не откладывай, заключил он с уверенностью.

Друзья и сослуживцы автора считали, что такой случай грех не использо-вать. Настоящий историк должен жертвовать, если надо, и своим самолюбием, и поклониться, и притвориться, лишь бы материал заполучить.

24

Забор был глухой, высокий. Автор нашел кнопку, позвонил, вскоре в дверке открылся "глазок", тетка выслушала его, и через некоторое время он попал внутрь. Широкая аллея вела к трехэтажному дому с колоннадой. Дом, облицованный диким камнем, походил на замок или крепость. Автора привели на веранду, где за светло-желтым полированным столом сидел хозяин. Издали он в точности совпадал с портретом, тем самым ...

Когда-то, Первого мая, автору доверили нести портрет Романа Авдеевича. В те времена демонстранты носили портреты всех членов и кандидатов напо-добие хоругвей. Несли по всему городу, до трибуны. Несущим давали пятерку и отгул, словом, какое-то поощрение. Прошли площадь, стали расходиться, и автор с мужиками завернули в какой-то подъезд отметить праздник. Раздавили одного "малыша", другого, потрепались, разошлись, портрет же забыли под лестницей. От этого у автора потом были неприятности, выговор вклепили и никакого отгула. И вот сейчас портрет этот сидел перед ним. То ли автор волновался, то ли хватил лишнего по дороге для смелости, но такое возникло воображение, что от радости автор руки раскрыл, просиял, готовый схватить и нести в местком эту невесть откуда появившуюся находку.

Роман Авдеевич от такого восторга закивал благосклонно и привстал навстречу автору.

Как потом выяснилось, стоял он на скамеечке, но все равно обнаружилось пугающее несоответствие. Пока Роман Авдеевич сидел, все выглядело нормально. Теперь же голова и особенно белое гладкое эмалированное лицо не годились маленькому туловищу ребенка. За это время он превратился в карлика. Но уменьшался непропорционально. Корпус его сплюснуло, грудь, плечи раздались вширь. Ножки стали крохотные, череп же остался прежним. Все исказилось, как в потешном

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru зеркале, в комнате смеха, памятной автору с детства, когда из всех зеркал, куда ни посмотришь, повсюду тара щились уродцы, то вытянутые, то перекошенные, на паучьих ножках, с тонкой шеей.

Первое чувство был страх, вернее испуг, но Роман Авдеевич принял это за страх и был доволен. Он любил, когда его боялись. Его всегда боялись.

Автор вдруг очнулся, словно стряхнул с себя наваждение, – без селектора, референтов, микрофона, охраны Роман Авдеевич был просто плюгавик, смешно упакованный в костюмчик с галстучком. Каким образом этот сморчок мог командовать огромным городом и этот город трепетал и стонал от него, ловил каждое его слово, вникал в скрытый смысл? Вникали и находили!

Было стыдно. Автор чувствовал себя униженным.

– ...фотоматериалами я тебя обеспечу, – говорил Роман Авдеевич. – Документов навалом. Главное, не тушуйся. Реальная сила у нас. Я предупреждал, не выпускайте интеллигентов на свободу! Интеллигенция хуже евреев! Без нас не обойтись! Нас-то больше! – Он выкрикивал все громче, голос у него остался тот же звучный, металлический.

Через некоторое время он уселся, за обрезом стола превратился в человека нормальных размеров.

– На Стену сейчас клеветают, хотя она олицетворяет могущество нашей Родины и социализма. Такого сооружения нигде нет. Поэтому и ополчились на нее. В народе ее называют ласково так, Стена Романовна. Ты намекни, что ей следовало бы присвоить мое имя. Не стесняйся. А то мы все стесняемся. Я пострадал за рабочий класс. Надо, чтобы люди об этом узнали. У рабочего класса нет другого защитника.

Он говорил все это всерьез, пересыпая намеками на какие-то силы, без которых ничего не получится, на своих людей, которых предостаточно.

Слушать его было тягостно. Как будто он играл императора Лилипутии, играл без юмора, с нелепым текстом.

Будь автор профессионалом-историком, самая глупая похвальба такого человека имела бы свой интерес, может быть, следовало вслушаться в его угрозы и недосказанность. Но автор был всего лишь любитель, дилетант, охваченный чувством разочарования, он перестал слушать своего героя. С го-речью вспоминал он, сколько времени потрачено на сборы материалов, как приходилось кланяться бывшим помощникам, выпивать с ними, расспрашивать "соратников", архивариусов, как обхаживал он разных гавриков. Все они обманули его, обманули весь город, и он, автор, тоже всех обманывал, и сам себя обманул. Стоило ли это ничтожество таких усилий, такого страха, стольких разговоров, волнений. Хотя бы злодеем был великим... Но бывают ли злодеи великими? Вот в чем вопрос!

Собирая факты, слухи, всякие байки, автор из них старательно складывал образ своего героя. Делал он это сообразно тем чувствам страха и уныния, которые царили среди горожан. Пустоты он заполнял домыслом, домысливали тогда все, анализировали, придумывали, искали мотивы, причины... Сейчас же, когда он увидел и услышал Романа Авдеевича воочию, размеры не со-шлись. Сочиненный им образ был слишком внушителен и грозен. Живой Роман Авдеевич выглядел напыщенно, глупо, нес какую-то ерунду, из этого ничтожества, из этого мусора немислимо было собрать недавнего претендента на престол. Было стыдно и скучно. Но тут автор вдруг рассмеялся. И про-должал смеяться, хотя Роман Авдеевич побагровел, что-то прикрикнув загрозил. Автору все стало безразлично, он понял, что нет великих злодеев. Не бывает. Дайте возможность любому пакостнику, подонку получить беззнака-занную власть, и он развернется не хуже Ричарда Третьего. Должность всего лишь меняет масштабы.

Злодейства может быть много, оно бывает долгим, страшным, но не великим. Глядя на Романа Авдеевича, автор думал, что если бы Сталина лишили власти, как бы он выглядел? Допустим, определили бы его счетоводом в артель, что осталось бы?..

По возвращении в наш город автора закидали вопросами. Рассказам его не поверили. Никто не мог представить Романа Авдеевича пигмеем. Насчет роскошной дачи, беседок, аллей верили, а вот про глупого, жалкого гномика не понимали. Как же он

Наш дорогой Роман Авдеевич. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru мог добраться до самого верха, ведь что-то наверное имелось! Какая-то идея нужна.

Примерно тогда автор стал замечать, что люди воспринимают эпоху Романа Авдеевича с некоторым смущением, не желая признаваться в том, что они были свидетелями всего того, что творилось. Как будто они отсутствовали, как будто они чужеземцы. Некоторые даже изумлялись – неужели это все было? Особенно молодежь. Они уверены, что весь этот абсурд – преувеличение старших, что нормальный человек не мог бы согласиться на такую жизнь.

В конце концов автор дошел до того, что сам усомнился – может быть, ничего этого и впрямь не было. Все присочинилось. Расстроенное воображение, фантазмагория... Он отправился к Стене. Она стояла неопровержимо, железобетонная, огромная. Правда, вся просверленная, пробитая большими и малыми дырами. Из отверстий со свистом врывался в город свежий ветер. Сюда приходили после работы измученные духотой, нечистым воздухом, подышать. Ходили вдоль Стены, сидели на скамейках. С годами вдоль всего сооружения образовался прогулочный маршрут. Оздоровительное общество оборудовало терренкур, насадило кусты. Не так давно Стена была закончена, сдана государственной комиссии. Строителей наградили, премировали. След за этим началось обсуждение проекта сноса Стены. Проект был готов, специа-листы подсчитали объем работ, он оказался грандиозным. По телевидению выступал председатель Фонда Ликвидации Стены, рассказал о масштабах Великой Разборки, какие мощные механизмы будут задействованы. Ответственность поддержала его. Эффект нового детища Перестройки обещал быть замечательным. Автор шагал и думал, что, когда Стену снесут, еще труднее будет доказать, что все описанное им было. Но, может, так оно и лучше. Перед одной из скамеек висел яркий плакат. Две пожилые женщины собирали подписи. Там стоял академик Сургучев. Они объяснили ему, что это письмо правительству с требованием сохранить Стену, иначе погибнет созданный с таким трудом терренкур, единственный в городе. Здесь образовался крайне полезный микро-климат... Листы были заполнены сотнями подписей. Сургучев взял автора под руку, и они пошли дальше. У следующей скамейки стояли школьники с альбами лентами через плечо и держали плакаты; на одном было написано: "Дайте нам дышать!". На другом: "В России хорошо только то, о чем правительство не заботится!". На алых лентах золотом было написано "Фолис". Это означало – фонд Ликвидации Стены. Они брэнчали кружками, собирая пожертвования. Они окружили Сургучева и Автора, наперебой разъясняя им, как в результате ликвидации возродится город и возникнут замечательные условия чистой экологической жизни.

– Видите, дорогой мой, – сказал Сургучев автору. – Абсурд не является привилегией минувшего времени.

Они покидали деньги во все кружки, потом вернулись к женщинам, подписали их письмо и отправились дальше, обдуваемые оздоровительными потоками воздуха из отверстий Стены.

– Какой-то кусок ее надо бы оставить, – сказал Сургучев. – И сделать надпись: "Это было", а то ведь не поверят.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!